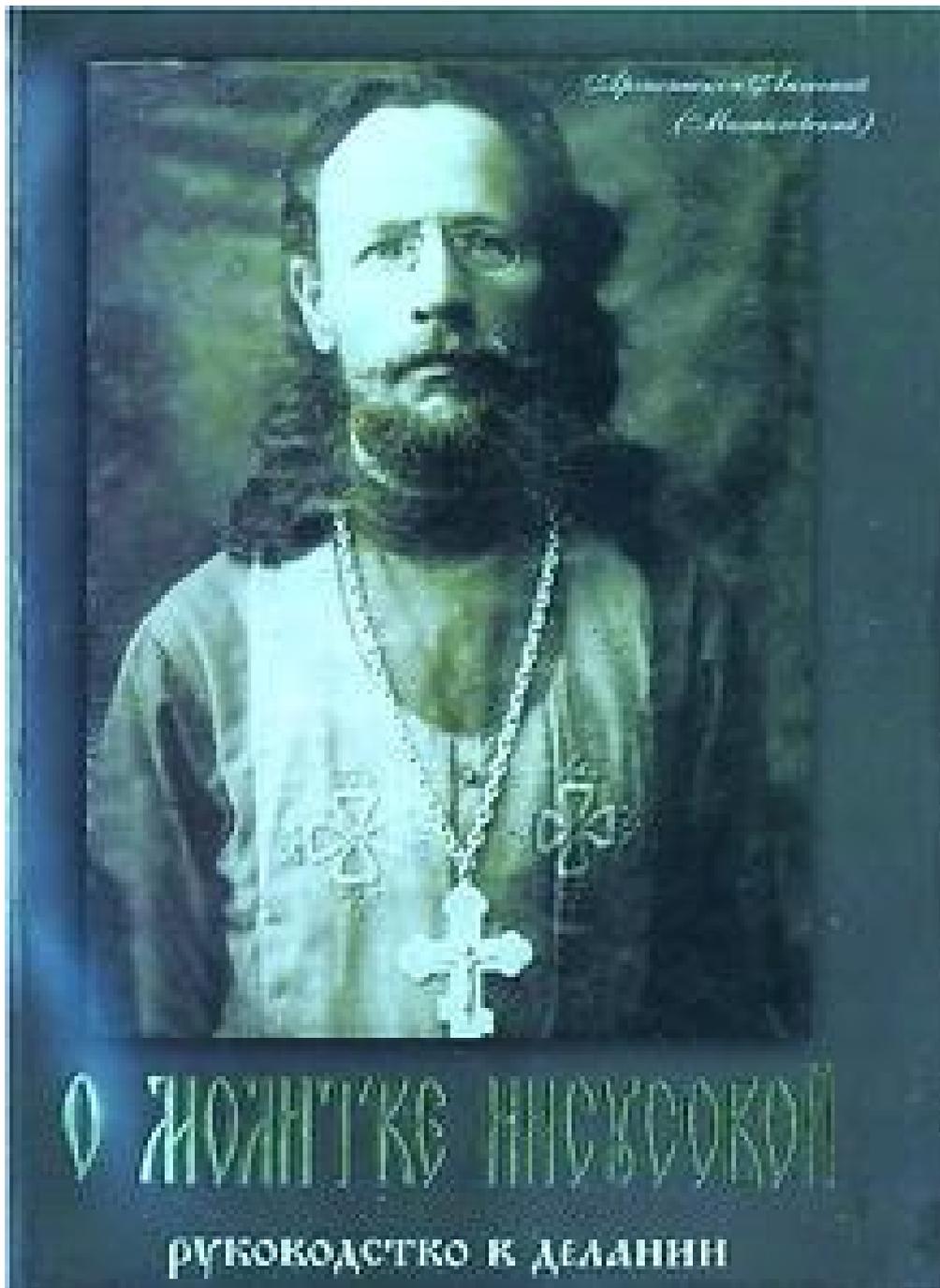

АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ (МИХАЙЛОВСКИЙ)

О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

Автор книги - священник Владимир Панковец

До 2009 года имя архиепископа Антония (Михайловского, 1889-1976) было забыто, поэтому ни в православной энциклопедии, ни в трудах богословов-историков нет ссылок и упоминаний этого святителя Православной Церкви.

О молитве Иисусовой - Руководство в делании – Мученическая жизнь и богомудрые писания архиепископа Антония (Михайловского) Панковец Владимир, свящ.

Житомир, НИКА, 2009. - с. 192.

УДК 281.9 (477.42) ББК 86.372 (4УКР - 4Ж)

Архимандрит Нестор (Соменок), профессор Киевской Духовной Академии, доктор богословия.

Подвиг мученической жизни и христианских страданий Ваш Богомолец Смиранный Старец. Панковец

Владимир, священник, настоятель натальевского Свято-Покровского храма, бакалавр богословия

Содержание

Вместо предисловия

Вводная

О молитве словесной

О молитве деятельно-умной

Молитва умно-сердечная деятельная

О молитве самодвижной

О молитве умно-сердечной чистой и непарительной

Первое о духовном целомудрии

Второе о духовном целомудрии

О созерцательности

О молитве зрительной и духовном девстве

Подвиг мученической жизни и христианских страданий

Когда впервые ко мне обратился о. Владимир с просьбой о написании первого предисловия к творению владыки Антония, я без всяких колебаний воспринял это предложение, как зов неба и души православного архипастыря. Ведь не случайно и не напрасно человек приходит в мир и уходит из него.

Особо важные, переломные события общемирового масштаба, либо события в рамках одной нации не проходят незамеченными Всеблагим Промыслом Божиим. Всевидящее око Божие зрит с высоты Вечности не только на человеческую доброту, любовь и взаимопонимание, но и на суету, гордость людскую.

Человеку, погрязшему в болоте страстей, животных забот и житейских попечений, смотрящему на других с высоты своей земляной насыпи и с гордостью обычного змиеподобного существа, думающего о вавилонских проектах, мечтающего стать богатым и известным в мире сильных и лукавых, стоило бы почаще посещать города мертвых. Именно там, среди земляных холмов, православных крестов и светских памятников, особо чувствуется скоротечность земной жизни, эфемерность человеческих устремлений и равенство всех перед ее величеством - смертью.

С пожелтевшей фотографии смотрит человек в очках, священник в епитрахили и с крестом. Будущий архиепископ Антоний. Благородное лицо. Высокое чело. Взгляд пронизательного, умного, интеллигентного, духовного человека. Сколько этому человеку придется выпить страданий, человеческих обид, зависти и несправедливости, но людей, с такой силой воли и жизненной закалкой, не сломать и не победить.

Несколько поколений, воспитанных Церковью и духовниками-старцами, выросли на идеях Святой Руси, на идеалах восточной духовности и стали поколением новомучеников.

У этого святого поколения новомучеников есть чему учиться, как в их жизни, так и в их наследии.

«Подвигом добрым я подвизался...» (2 Тим. 4,7-8).

Сегодня, 23.08 (в соответствии со старым церковным стилем) - 5.09.2009 г. (по новому стилю), Церковь вспоминает не только отдавание праздника Успения Пресвятой Богородицы, но и среди прочих святых в этот день празднуется память великого представителя малоазийской школы богословия послепостольского времени священномученика Иринея, епископа Лионского (год рождения около 150, + около 202). Нет времени по нынешнему регламенту нашей встречи, чтобы остановиться и несколько подробнее узнать о жизни и богословском наследии этого великого богослова единой неразделенной Древней Церкви. Тем не менее, считаем святой обязанностью остановить свое внимание на некоторых моментах богословской мысли св. Иринея Лионского.

«Без Бога нельзя познать Бога», т. е. для боговедения необходимо откровение. И «лучше ничего не знать, но верить *в Бога и пребывать в любви к Нему, чем благодаря хитроумным рассуждениям впасть в безбожие». Правда, с помощью разума можно доказать и бытие Божие, о котором свидетельствует изменяемость или конечность и тварность всего, указующая на безначальное Начало.

Можно, далее, постигая Божье совершенство, познать, что Бог один и един, что Он разумен. Но познать, что такое Бог, без откровения человек не в силах даже приблизительно. Наши понятия к Богу не применимы. Он - Разум, но не в нашем смысле этого слова. Он - Свет, но не похожий на свет, нам известный, Творец, Вседержитель, Искупитель. Он - «весь дух, весь чувство, весь мысль, разум, глаз, свет и источник всяческих благ». Еретики кощунственно разделяют Его, превращая Его свойства в мнимых богов. И нет рядом с Единым ни материи, ни идей, ни эонов».

По свидетельству этого святого апологета, надо «не философствовать, а верить и любить, верой и любовью приближаясь к Богу. Теоретические же выводы должны исходить из прочного основания.

О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

Вместо предисловия

Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты (Мф. 26, 39). Сие есть действенная суть молитвы Иисусовой: «Господи, помилуй мя» и «Буди, Господи, воля святая Твоя».

Прежде всего, нужно знать, что молитва Иисусова есть действенная суть покаяния, указанная Христом Господом. Она научает делателя своего отсекал воли своей хотения, любить Бога больше твари, смиряться преискренне, истинно познать себя, не надеяться на себя всячески, и все и вся доброе, Богу принадлежащее, Богу отдавать и за доброе Богу славу творить.

Молитва Иисусова к Богу приближает, за примирение с Ним к ближнему любовь истинную зарождает и возвращает, душу преискренне соединяет Господеви-Жениху своему и бывает между Господом и душой словом беседным.

Сие великое делание молитвы Иисусовой, то есть *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго* (или грешную), действует, начен [1] от словесства к Богу - словесного ее делания, бывающего в период деятельности человека, простирается созерцательностью на делание жизни целомудрия духовного истинно, устроив в Его обителях многих жительствовать на беспредельно, прославляя Бога сердцами духовно-истинно целомудрых умов; достойнейших же, реченных в Откровении: *Не осквернившихся с женами* [2], девствующих, проводит и устраивает жить в истинно духовном девстве и бывает им зрительною, истинною, разумною - разум сущих.

Молитва, по мере упражнения в ней слова, ума, сердца и Духа Божия, имеет соответственное наименование. Бывает словесная, умная, умно-сердечная деятельная - сии три вида молитвы бывают в ветхой деятельности человека, т.е. до всецелой преданности в волю Божию.

А действо молитвы, бывающей по всецелой преданности в волю Божию, именуется: умно-сердечная самодвижная - движимая Духом Святым; чистая - она же непарительная, бывающая по очищении сердца от страстей и греха, истинно-созерцательная, доводящая все добродетели, будучи всем им мать, до совершенства истинно-духовнаго целомудрия; достойнейших же устраивает действовать во благодати соединительной - соединяя все добродетели, пришедшие в совершенство целомудрых, во едино, еже есть любовь - Бог, и душу, по мере ее приближения через уразумения ко Господу, соединяет Господеви и Жениху ее Небесному, Истинному во един дух.

Человек тогда молится молитвою истинно-зрительною, разумною - зря, разумея тайны и премудрость Божию великую разумом Божиим, соединившись с Господом, и прославляет человек Троицу - Святого Бога девственно сердцем своим, своим духовным существом, стяжав Бога обитать в сердце его, а с Богом и весь лик добродетелей всяких и всяко по-Божии, соединившихся в единой любви - Боге.

В стяжании всего сего молитва бывает неотложным духовным оружием ума, т.к. брань духовная ведется с духами тьмы, действующими через страсти, и с самими страстями, а плоть и мир, как свойственные земле, влекут восвосяи.

Молитва, являясь мечом духовным, все упомянутое полчище зла посекает и приводит в полное бездействие, и даже самое естество, где нужно и когда имеется потребность, подобие изменяет, и

показует бессилие злобы пред силой и могуществом Божиим, и научает право разуметь немощь человеческую в борьбе со злом и очищающемуся уму, немощному в себе самом, силой же Божией подкрепляемому; проводит ум и душу во всех искушениях неуязвимыми язвою смертоносною, славя Бога, Всемогущего Творца, со славословием Всепобедоносной, и творится молитва Богу девственно - Духом Святым.

Вводная

От сердца бо исходят помышления злая [3], - так прорекли уста Сладчайшего Господа Иисуса, Подвигоположника, Начальника и Учредителя делания истинного покаяния и Свидетеля в достижении плодов сего покаяния.

Злоба, после падения человека, вошла в его сердце, то есть после того момента, когда человек возлюбил свою злую, несовершенную волю больше всемогущей Божией. Основание своеволия отдалило душу от Господа, и человек оказался лишь со своими ничтожными силами. Человеку надлежало стоять против зла, что он сам, без помощи Божией, выполнить не мог, так как ум и душа, после первого их согласия на возлюбление воли своей, утратили нужную светлость, могущую различать добро и зло: утратили рассуждение, обнажающее козни диавольские; их объяло неведение - чадо помраченного ума, возлюбившего свою волю; неведение породило сомнение, сие же родило смущение, смущение - и мать, и дочь боязни и всех страстных волн, воздымающихся в сердце человека и непрестанно погружающих в море смущений корабль ума и души сим возлюбленным своеволием. Все перечисленное получилось человеку по причине помрачения ума.

Сердце наполнилось неестественными привычками - страстями, а последние, укоренившись, срослись с естеством человека и, помимо желания, ум и душу увлекают в господствующую страсть.

Сатана, как виновник и начальник тьмы, не замедлил явиться в мрачном уме и в страстном сердце, вполне властвуя; и сердце, определенное в обитель Богу, делается и бывает вертепом шакалов и разбойников, то есть страстей и диаволов.

Человек - в страдании, ум и душа вышли из естественного состояния в нижеестественное. Желание выйти из сего тяжкого положения осуществить лишь своими силами невозможно. Сатана сильнее и хитрее неопытного ума, а страсти получают силу естества, - всякое намерение человека к добру перехватывает. Человек даже иногда и в добром своем произвольном поступке пожинает плод усиленных своих страстей.

Бьется человек, отчаивается в своем спасении, оставляет свои труды, а что хуже, - иногда накладывает на себя руки. Но следует знать, что в таковое положение человек входит тогда, когда он не именем Божиим борется, а собственной силой; а кто в Боге положил свое упование и спасение, тот борется именем Божиим и побеждает, и бывает побеждаем, и вновь встает, и борется до конца победы.

Тьмой неведения человечество было объято включительно до пришествия Христова, то есть когда человек, томясь, непрестанно смущаясь и всяко огорчаясь, взывать к Богу начал всем своим существом. Тогда Господь, определенное в Своем Божественном совете при изгнании прародителей из рая, - явить от жены семя, которое сотрет главу змия [4], привел во исполнение. Христос во чреве Девы зачат и родился. Взял на Себя тяжесть греха целого человечества, с грехом сразился, начав подвиг.

Подвигоположник и человечество научил, как можно отличать добро от зла и вести борьбу с диаволами, предварительно Сам победив всю силу вражью. Всепобеждающий, дабы человеку было яснее, как бороться и побеждать диаволов, страсти и своя злой воли последующие диаволохотения.

Сатана, вселившись в сердце, скрывается в нем, объятый тьмою страстей, всегда действуя, дабы смущать человека и не быть узнанным в сердце обитанию, услаждаясь страданиями.

Сатана - диавол, будучи искони убийца, непрестанно нашептывает из сердца всякую злобу, а делает, скрываясь, подобно от лица самого человека исходящим, дабы не быть узнанным.

Вот на это-то и наводит человека Бог словами *от сердца бо исходят помышления злая* [5], сии сквернят, сии уводят ум и душу из свойственного им устройства мирного, естественного, а поэтому имеется неотложность восстать против действия злобы в ее начальном появлении - зародыше, когда она, не укоренившись, отсекается легко, лишь бы обнаружить ее. Сие делается Сладчайшим именем Господа Иисуса.

Исходящее из сердца зло исходит от виновника зла - диавола, а диавол - лстец, хитрец и, по причине собраний в нем всякой мерзости, мерзость.

Диавол человека обольщает из сердца рождаемыми им помыслами, обещая всякому то, кто к чему имеет большее греховное влечение.

Как хитрец и коварный, диавол подходит к человеку всегда тонко, тонкостью, всегда бывающей тоньше тонкости ума. Он покрывает свое мерзкое присутствие, делая им рождаемые помыслы как самим человеком рождаемые и действующие, и бывает человек всегда пленником и навсегда погибает, аще токмо не Господь защитит человека Своей благодатью, очистив ум его до проразумения всех и всяческих козней, подступов, заходов и обходов его, как грубейших, так и тончайших, и всех и всего между сими.

Все приведенное свидетельствует о том, что хитрость сатаны превосходит тонкость ума человека, посему-то человеку лишь со своими силами вступать в борьбу с диаволом, действующим в сердце через страсти, невозможно и бесполезно, доколе человек еще не получил от Бога власть и силу наступать на всю силу вражью; а до сего человек должен стяжать всяко-всюдный искус - опыт побеждать диавола, искус, устрояемый ему благодатью Божией, и это тогда лишь возможно, когда человек будет шествовать во всем за Подвигоположником - Христом, борясь и побеждая злобу силой благодати Божией, в молитве всегда действующей. Молящийся соблюдается благодатью и водствуется, в точной постепенности получает пользу и избегает вреда.

Выше сказали, что все человечество до пришествия Христова на земле было объято тьмою неведения, и умирали во тьме, не зная истины, угнетаемые диаволом чрез из сердца исходящее зло.

Христос же смертью Своею смерть греха попрали, темницу ада разрушил и не только желающих деятельностью при Его помощи спастись живых определил спасать, а и содержимых во аде за веру изведе из него как Всемогущий. После сего все святые, видя человеческую немощь, верою же зря всемогущую силу Божию, побеждающую зло, с ее виновником и водителем, и желая следовать Христу во исполнение воли Отца Небесного, зная согласно указания Господня, отколе свое начало приемлет зло, сами собой к сему делу не приступали, а все они спасение делали силой Божией благодати, восставая против зла в его только что зарождении, уничтожая его силой памятуемого имени Сладчайшего Иисуса Христа.

Господь, молитвенно всегда человеком призываемый, побеждал злобу, умиротворял дух человека, восстанавливал тишину и давал возможность уму вновь упражняться в молитве. Оно является существом писанного впереди, как сие делать, дабы непогрешительно действовать именем Господа Иисуса Христа Всепобедоносного на всякую злобу. И виновное всех утешений имя Сладчайшего Господа святые отцы призывали в молитвах на отгнание всего, бывающего от диавола.

Молитв в святой Церкви много, и все они сильны на отгнание супостата, но на это нужен ум сильный и наученный в распознавании хитростей врага и в различении добра и зла, дабы не развлекался в

молитве; слабому же уму, каковыми являются и наши умы, собираться в молитвословии очень и очень нелегко и неудобно, так как ум, привыкший к чувственному, и во время молитвы мечтает свойственно-чувственное, а от сего бывает предстояние лишь телом иконе, а ум и сердце витают невесть где.

Внимание, не привыкшее удерживаться при молитве, расхищается, ум бывает не властен совладать собою, так как внимание не удерживается при молитве, а язык не может свободно произносить слова молитвы, и это по причине разнородности и множества слов; дело не спеется, а если и спеется, то очень медленно.

Посему, сие ведая, святые отцы и учителя, и делатели истинного покаяния, желая следовать за Христом, как единым могущим спасти, и брань вести согласно сказанного выше силою имени Господа, для сего всегдашнее оружие избрали себе от Духа Святого изложенную молитву Христу Господу Иисусу, отдавая ей преимущество.

Все существующие в святой Православной Церкви молитвы действительны и спасительны, но молитва Иисусова всегда привлекала умы спасающихся к себе, содержащей словеса имени Господа Иисуса и слова кающегося грешника: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

Некоторые из святых отцов непрестанно творили другие коротенькие молитвы или одну из них, но большинство святых отцов занимались Иисусовой молитвою, преимуществуя пред другими.

Всякий, желающий работать Господу в делании молитвы Иисусовой, по причине ее краткости и всем грамотным и неграмотным доступности, может, трудясь над молитвою, усвоить свободное, без приневоливающего языка в молитве упражнение, увлекающего за собой и ум, и внимание.

Суть делания молитвы сия: нужно, дабы отгонять всякую мысль, из сердца являющуюся; не допускать отвне нового греховного, желающего проникнуть в сердце; память приучать быть перед Вездесущим Богом; уму же лишь всегда читать молитву и внимать лишь ей читаемой, - и это вместо всяких других, хотя бы естественных уму мыслей, и вместо упражнения в помыслах, бывающих всегда во многом изобилии из сердца, - и она приведет во яже: *око не виде, ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* [6] - ею сердце человека устрояется в обитель Пресвятой Троицы.

Некоторые из святых отцов делание молитвы Иисусовой наименовали трезвением. Она должна быть неотъемлемой сутью всего монашества, да и мирянам, и вообще всем, семейно живущим, ее нужно читать, так как памятование Бога неотложно нужно всем.

Было бы достаточно того, что сказано о молитве, читай и читай, но дело не так. Сия молитва бывает: словесная; умная; сердечная; сердечная-самодвижная, духовная; чистая, непарительная, истинно-созерцательная; зрительная, при разуме сущих, и бывает совершенная любовь.

Ввиду совершенств молитвы, а зависимо от молитвы и состояния добродетелей, она имеет потребность и много нуждается в опытном рассуждении, ибо ее посредством Господь устраивает наше спасение, сообщая ей от благодати Своей нужное и потребное на пользу человека всегда в свое время.

Имеется великая нужда, дабы при делании сей и истинно-духовно совершаемой молитвы имелся опытно знающий, включительно и зрительную духовную молитву, учитель-старец, который бы от своих опытов мог свободно и безбедно проводить ум и душу во всех искушениях. Искусный, опытный знает, какие искушения, и в какое время могут посещать спасающегося, и он всякое искушение предупредит наставлением и укажет, как и что делать следует ему, дабы избегнуть неправомыслия. Опытный может пояснить, как распознать диавольские хитрости, когда он подходит под видом добра с правой стороны.

Но горе! И горе! Увы! И увы!.. Делатели сего великого делания не имеют желания и времени, дабы в нем достойно упражняться умом, словом и сердцем, а кто пожелает делать сие величайшее христианское православное мышление во всю свою жизнь, тот не знает, как и приступить к нему, или же

приступает и делает, но делает лишь чувственно, упражняясь в уме плотском, живет собственной деятельностью от воли своей, а думает о себе, что он проводит жизнь истинно-духовную, не ведая и того, что человек истинно-духовную жизнь проводить начинает лишь по приятии великой милости Божией - по всецелой преданности в волю Божию, и когда сию волю Божию познает истинно.

До всецелой преданности в волю Божию, каковая получается по очищении ума от помрачения, а души - от страстей, человек живет мудростью - знаниями ума плотского, а не духовно еще, хотя бы он знал всю теорию христианского богословия и был великим в очах человеческих. Таковой нередко запутывается в сетях прельщения ума плотского, а что хуже, то он истинных носителей разума духовного считает неправомыслящими, себя же усматривает в истине.

В таком положении оказываются и молящиеся по молитвеннику, они делателей истины и разума считают прелестными и невеждами, сами суще и прельщены и невежды, а в своих злых мудрованиях стоят твердо, и шествие их не к спасению, а от спасения.

Святые отцы, делатели сего великого делания, о сем пишут много. Но их писания о молитве Иисусовой начинаются созерцательностью от делания умно-сердечной самодвижной, редкие же из них и о умно-сердечной деятельной с мечтательными искушениями, но они пишут кратко и прикровенно, и это вот почему.

По исполнении воли Божией всецело человек действует молитву уже духовную, а до сего - молитва умно-сердечная деятельная, каковую некоторые принимают за духовную, и горько ошибаются.

Духовная молитва - то же, что *вино новое*, реченное в Евангелии, *веселящее сердце* [7]. Получается: еще не законченное плотского ума делание может быть принято за духовное, что являет прельщение и горе.

Когда святые отцы писали о Иисусовой молитве, тогда делателей, опытно знающих молитву, было немало, не было нужды тщательно описывать о ней, о ее начале, да в силу веры их они в этом сильно не нуждались. Написанное святыми отцами читать может всякий, а пользы может не быть, только подготовленным, ввиду сего они писали и кратко, и прикровенно. Подготовленный и в кратком, и в прикровенном нужное прочтет, а неподготовленный не погрешит, таким образом, разума духовного.

Делателей сего делания опытных в настоящее время - увы! и увы!... Всякий, возжелавший и начавший творить молитву, в ее еще начале сомневается в правоте ее, и ее всяко и всегда разнообразной полезности усматривает бесполезность, безуспешность, а иногда и вред. Потрудившись немного и не усматривая в себе ему желанных плодов и совершенств, он оставляет сие священное делание, а иногда даже хулит его.

Так сие великое делание из деланий остается неделанным, а вместе с ним приходит в изгнание и разум неба, явленный на земле Христом: возсия миру свет разума, и пение Господу разумное оставляется, истина возвращается в небесное.

По престании пения разумного, небесного на земле человечество все мирно снова погрузится в ту тьму ума, в которой оно было до пришествия Христова, и заслуги Христа от человечества удалятся. И никто уже не сможет тогда волю Божию исполнить вполне.

После того, как Бог славился разумно, и разум отойдет в небесное, тогда люди будут славить Бога, но славить будут только языком - язычно, а язычному славлению Бога, как не истинному, а с сомнениями, долго не продержаться, сие последнее без разума сердца не возжигает, а гашает.

Так в бедности моего немоществования, плача и сетуя много, но имея всякое желание дабы Бог славился разумно, и слава сия Богу на земле всячески продолжалась, делатели же, уготавливающие свои сердца в жилище Богу на разумное с Ним жительство, не уменьшались в численности, а увеличивались, не дерзая на свои силы, а лишь надеясь на Всемогущую силу Господа моего, отложив

всякое личное мудрование, не имеющее подтверждения в Богодухновенных писаниях - Священном или в творениях святых отцов, опытом изведавших жизнь покаяния, всяко имех возжелах, дабы все хотящие прославить Бога истинно-разумно, шествуя по стопам Господа, и сие делать пожелали бы деланием молитвы Иисусовой; не как наставление, вы сами разумнее меня, а как братский совет от отовсюдной бедности моей, как и сам во всем, выше и ниже списанном, имел великую нужду, нуждаясь буквально во всяком слове, здесь помещенном в писанном, желал бы жаждущим и нуждающимся предложить.

Конечно, не все, а лишь то, с чем приходится встречаться всякому делателю покаяния, сие же, всеми проходимое, есть суть самая главная. Бывающее, кроме описанного ниже, и здесь, и выше, - второстепенно, и последствий гибели души с собой не приносит.

Приими, Господи, свободное произволение к славе имени Твоего Святого и, вразумив на сие, помоги совершить во спасение душ, жаждущих правды Твоей.

Аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение [8], то есть в случае ты пойдешь вслед за Господом, и будешь исполнять Его Божественное учение, знай, что тебя на этом пути встретят искушения. Плоть, мир и диавол - твои враги, а не меньше их ты враг сам себе бываешь. Не исполняя отныне влечения воли своей в спасительном, ты входишь на жительство не в мирное состояние, нет, а непрестанная борьба является уделом жизни твоей.

Итак, аще приступаешь к деланию молитвы Иисусовой, уготовься не к мирному жительству, а к перенесению всевозможных скорбей, которые бывают от плоти, мира и диавола, и от личного самолюбия, каковы действуют и изнутри, и отвне, конечно, не все одновременно: их благодать Божия удерживает, а позволяет лишь столько огорчать спасающегося, сколько он может переносить, горце скорбя и страдая.

Скорби спасающемуся благодать попускает по мере крепости его ума и души, а не по ехидству диаволов. От такового водствования благодати человек получает терпение, преданность в волю Божию, еже не унывать в последующих бранях, опыт, усерднее емлется молитва и получает искус - знание и мудрость.

Молись, брат или сестра, Господу, аще хощеши стяжать непрестанное памятование о Боге, и непрестанно с Ним, подобно как с другом, лицом к лицу, беседовать молитвенно, дабы Господь послал тебе наставника в сем делании, молитвою покаяния непрелестна, знающа опытом сие великое делание, испытана во всех бранях, бывающих по причине вышеупомянутых.

Опытные наставники *зело редце* [9], но благодатью Господней еще сохраняются, еще существуют и до нашего времени. Поищи опытного усердно, проси у Бога со слезами, дабы Он указал такового, знающего незаблудный путь покаяния.

Но помни, брат или сестра, что искать чудотворца на внешнее никак не следует, нет, а поищи его, знающего истинно-духовную жизнь и духовную брань, имущего разум духовный, так как таковой ведает - прозрел в тайны Царствия Небесного - добродетельного жительства - внутрь нас Царствия Божия суца. Таковой всякое искушение прошел, и всякая лесь сатаны со всем, еже во власти диавола, бе пред умными очами мужа сего духовного. Таковой всякую тяжесть сердечную, бывающую от страстей, волнуемых диаволом, знает, и помочь во всякой тяжести и скорби может, и из всякой тяжести, смущением рождаемой, извлечет, лишь только имей твердую веру таковому, веру по подобию Богу, так как он водствуется Самим Богом.

Аще такового Бог укажет тебе, обрящеши, прилепись к нему всем сердцем твоим, и не дерзни когда-либо изменить его или преслушати его слова; имей Его как Самого Христа и знай, что святые отцы о сем сказали так: Аще увидеши своего духовнаго учителя - отца спяща или лежаща, ядуща или пиюща, беседующа или ино что творяща, по твоему малодушию не должен ты соблазниться, так как он за его дела угоден бывает Богу и подобная ему не вредит.

Строго знай, что судия дел твоих он, а не ты - его; ты имеешь в нем нужду, а не он в тебе. Он несет немощи твои и терпит твое своеволие, и ты бываешь ему в тягость, каковую он несет по любви к тебе. В нем, пришедшем к истинно-духовному разуму, действует Сам Бог, обитая в сердце его, а воля его всегда бывает угодна Богу, так как живет он волей Божией.

Он, подобно святым Апостолам, устрояет дело спасения человеков. Не желаемое только принимай от него, а вообще все, что скажет он, принимай, храни и исполняй, как незаменимую ценность. Обличения и колкости принимай от него и всякое стеснительное воли твоей принимай с охотой, так как он сим врачует язвы души твоей и, умерщвляя волю твою, воскрешает ум и душу твою от смерти греховной.

Таковой непрелестный, он свой ум и душу воскресил от смерти греховной, за его доброе произволение, силой Божией. Таковой сердце свое очистил от страстей и от диаволов, и уготовил сердце свое чистое на безысходное в нем Троиединого Бога жительство: ... *к нему приидем, и обитель у него сотворим, со Отцем и Духом* [10].

Он есть мудрец из мудрецов, философ изряден, хотя бы во внешних науках не научен. Он богослов истинный, богословствующий непрестанно, ибо он живет Богом и по-Божии.

Так указано святыми отцами с похвалою быть под руководством опытного, и не иметь о себе печали ни единой, а лишь исполнять все указанное беспрекословно.

Ты же, руководитель и отец к мудрости и в мудрости духовной, проверь первее себя самого и действительно яви: имеешь ли ты разум истинно духовный? Разум, засвидетельствованный всесвидетельствами в тайне Духом Святым; разум, утвержденный всеутверждением от Бога, дабы тебе было можно, с полным миром души своей в Боге и с Богом живущей, безбедно и с пользой научать чада духовные, к тебе обращающиеся, водствуя их незаблудно по тернистому пути покаяния, к мудрости истинной духа.

В случае, ты, наставниче, не имеешь истинного разума, а имеешь истинное ведение, бываемое по всецелой преданности в волю Божию, то и тогда можешь руководовать чада по пути покаяния, а в делании мудрости истинно-духовной руководствуй лишь сам себя, других же в сем руководить устранись, так как не пришел еще в разум.

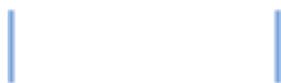
Не имей ни ведения истинна, ни тем больше, разум сущих Божий, руководить других не может и премного опасно. Ибо шествующий в покаянии еще не достиг спасения. Сам в пути, и в неизвестности - нередко извращает истину на ложь, а ложь именуется истиной.

Таковой, не имея истинного знания, руководить не может, хотя бы по внешности он был богослов - образован: он сам всегда находится под влиянием владычественной страсти, он сам в страстях; как же может от страстей избавлять? Таковой, не разумеющий истины, не пользу дает человеку - ученику, а великое препятствие творит ему.

Таковые считают себя достойными руководителями, а бывают на погибель и препону спасающимся. Что хуже, то таковые действительных учителей истины Божией считают прелестными, отвлекают от опытных и разумеющих, будучи сами прельщены всякой страстью, не вышедшими из прельщений прелестью греха.

Брат или сестра! В случае поисков, много и много умоляя Бога даровать тебе такового, не обрящещи и не получишь сего: таковые зело редцы; поиска всяко, *сюду и сюду, семо и семо* [11], и никого не обрящещи, не отчаивайся - *не возможная человекам, возможна суть Богу* [12]. Делай согласно указанного, помогающе Богу, положив твердое намерение никак не отступить от избранного пути делания молитвы, твердо веруя, что Господь близ призывающих Его.

Господь, тебя вразумив о делании сем, тем свидетельствовал твое к сему деланию призвание. Оно Богу угодно. Он Сам помогает и поможет положить начало. Он же помогает и всякий раз произносить

молитву, и всякое слово молитвы по отдельности бывает произносимо с Его помощью. Он во все время делания молитвы будет с тобою, Ему угодно то; Он всегда будет смотреть на тебя. Тебя поддержит Он всюду и всяко Своей благодатью, действующей в молитве.

Он благодатью Своей поддержит тебя, научит тебя, вразумит тебя, и милуя, и бичуя. Милуя, Он накажет тебя, проявляя Свою отеческую любовь к тебе. Он будет бить тебя, но одновременно принимать как сына, дабы ты был искусным и любимым у Него. Он будет смотреть на тебя, как любишь Его, свидетельствуя любовь твою к Нему памятованием о Нем молитвенным.

Он, по мере твоего принуждения себя к деланию молитвы, и ко внимательному в ней пребыванию ума, и участливому отношению сердца, всяко будет помогать тебе усваивать ее, возбуждая от греховности Своей благодатью. Хотя сие делание сопрягается с трудностями к усвоению тобой сыновней покорности Богу и сонаследию в разуме Христу, ты же от сего не унывай и до бездействий или отчаяний не приходи, молитву не оставляй, и Господь поможет, скорбь минует, а последующее появление также молитвой встречай и борись с искушениями не своей силой, а исключительно молитвой.

Если усмотришь бесполезность в делании молитвы, всяко отвергни твое такое узрение, ибо молитва без плода и без пользы никогда не бывает, а тобою усмотренная бесплодность есть не что иное, как твое незнание о плоде молитвы, в это время устрояемое благодатью, то есть человек не понимает, в чем состоит плод молитвы делания. Молитвой действуется и всякая другая добродетель, а по сему-то бывает не понятно человеку.

Дело человека состоит в том, чтобы молитву никогда не оставлять и по мере сил молитве внимать, да нудить себя к молитве, а что кроме сего, то, возложив упование на Бога, от Бога ожидай милости, покорствуя Его воле.

Господь же Своей благодатью, действующей в молитве, по мере старания молящегося в делании молитвы, дает частость молитвы и большее памятование о Боге, возлюбленном человеком.

Ум человека будет усиливать внимание, что составляет плод молитвы, а со вниманием человек усматривает большее количество из сердца появляющегося зла диаволом от страстей и, не внимая греховному, посекает злобу, - что составляет брань.

Злоба появляется в помыслах, увидишь из нижеописанного, и в желаниях, а ум представляет желание спасения и, вместо упражнения в помыслах, им не внимает, а внимает молитве, обессиливая страсти и ненавидя диавола.

Человек, кающийся, об этом не знает, это устраивается благодатью Божией, и в тайне от человека, так как человек бывает очень падок на самомнения. Человеку думается, что он стоит на месте или делается хуже, он вновь молится и вновь отходит с кажущимися неуспехами в сердце, так как молитвой помыслы отгоняются, а благодаря сему, их бывает обнаруживаемо умом и еще больше, и человек в таковой брани смиряется и научается преданности в волю Божию, что и нужно.

Все спасительное благодать устраивает человеку за его доброе произволение к спасению, за его принуждение себя к молитве, и по мере принуждений бывает успех в молитве со вниманием и вообще в спасительном.

Сие делание очень великое, оно являет совершение слов Христа: *Кто не родится свыше, тот не может быти Его учеником* [13], то есть оно является перерождением всего человека благодатию.

Человек должен ни в коем случае не оставлять молитву, зная что диавол всемерно боится внимательной молитвы - умного делания, так как оно пред умом откроет все хитрости диавола, действующего тайно в сердце.

Человек держится молитвы, и имя Христово не отпускает от себя, больше и больше бывает с ним, и находит, что без сего жить невозможно, так как помыслы всегда бы, овладевая умом, уводили его в свое страстное.

Гордиться человеку нет чем: что является успехом в нем, то устраивает благодать, и оно не духовное совершение, а лишь очищение ума от помрачения, а души - от страстей, и научение брани; но человек, не понимая, стремится всегда к возношению себя, не считаясь с тем, что ум обнимается тьмой неведения.

Так и ты, брат или сестра, все это прими во внимание, приступай к сему священному, могущему освятить и просветить человека деланию, начен от его начала, и определи делать молитвы делание во всю твою жизнь, хотя бы тебе будет казаться трудно - труден путь подвижничества, но сладок рай и прекрасен Жених души Христос Господь - Истина, - а путь и делание молитвы за Ним и к Нему, Всесвятейшему Невестоводителю душ во яже Божественное.

Запомни, брат или сестра, что во встречающихся искушениях, как великими они будут и сколько ужасными могут казаться, не отчаивайся, а в случае сможешь, то и не унывай, а вместо уныния и другого, могущего печалить душу, всегда внимай читаемой молитве.

Молитва именуется жезл, опершись и опираясь на каковой, человек не разбивается, а когда уклонится в помыслах или желаниях, снах или в чем обыденном, окружающем человека, но, вспомняв о молитве, берется за молитву и умиротворяется в себе, бывает примирен с благодатью и вновь совершает шествие в предняя.

Святые отцы молитву, включая и Иисусову, называют матерью добродетелей, следовательно, сколько в успехе она, столько в успехе и другие добродетели. Молитва, подобно матери, питающей детей, питает все добродетели, а посему-то делание молитвы является целой спасительной жизнью, доводящей ум и душу до разума сущих Божия премудростью.

Когда молитва приемлет действие Духом Святым, тогда и все добродетели бывают подвижны Духом Святым, чему научиться да потрудимся.

Делая молитву, человек, по мере делания, помнит о Боге; памятование о Боге является свидетельством любви к Богу. Делая молитву, человек всегда кается в грехах своих, сознавая себя грешником; делая молитву, человек борется со злобою именем Божиим, а не своей ничтожной силой, доказывая свою немощь и прославляя Божие могущество.

Молитва открывает человеку его духовное око ума, показывает человеку согрешения его, воспринятые им в сердце, и показывает немощи, дабы человеку смиряться.

Человек познает немощь свою и безсилie свое в борьбе со злобою, усерднее умом держится молитвы, и предается в волю Божию, и вновь и вновь молитвенными воззваниями призывает Бога на отмщение соперника его - диавола.

Видя свою немощь и коварство диавола, человек помнит о смерти, так как борьба с грехом неразлучна с памятованием смерти, *смерть есть грех* [14], а от греха человек памятью переходит к смерти, полагающей тело во гроб.

Молитвой человек научается мужеству, видя, что молитва поборает грех. И великодушную в перенесении скорбей научит она, вразумив и уяснив, что скорбь и искушения являются причиной знаний и спасения. И всякая другая добродетель сплетается с молитвою, даже включая и любовь.

Святые отцы, делатели сего великого делания, созерцатели истинных тайн Божиих, с утверждением прорекли о молитве: Жезл и добавили: *Кто обопрется на жезл-молитву, тот не упадет, а если и упадет, не разобьется, встанет и дальше ей пойдет* [15].

Так святые все засвидетельствовали о сем, ибо сатана ищет всячески привести душу в смущение, а человек, умом внимая молитве, остается спокоен, так как, внимая молитве, он совершает победу и успех в своих трудах, мирствует, и идет дальше, двигаясь молитвою в молитве, что и моей бедности, при всевозможной моей немощи и неразумии, испытать на себе пришлось многае многого.

О молитве словесной

Начиная делание молитвы Иисусовой, человек приступает к сему, подобно, как и ко всякой другой молитве, к ее началу, то есть делать молитву начинает от слова, туждаясь над молитвою словесною: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.*

Так взывает человек к Богу или по несколько раз в правиле утреннем и вечернем, или просто - всегда во всяком положении и на всяком месте, смотря, как укажет отец духовный; если же нет отца, то можно везде и всегда бывать с молитвой.

В правило можно прибавлять сотен пять к читаемому по молитвеннику, и утром и вечером после читаемого правила, и, по возможности, со вниманием делая так: пред правилом вообще класть тридцать три поклона земных, а когда будешь читать молитву Иисусову, то после каждой сотни класть по три поклона земных, а после каждого десятка - один поясной, по окончании же всего правила - снова тридцать три поклона земных.

Когда силы слабые, можно поклонов не класть, или заменять поясными, или перекреститься и, внимая молитве, без смущения продолжать молитву. Пред праздниками и в праздники можно земные поклоны заменять поясными.

Когда же будет потребность - желание к пятистам прибавить еще сотню, две, три, четыре, пять, можно прибавлять, а из читанного по книге уменьшать, тогда ты можешь читать по тысяче и утром, и вечером; а когда и еще больше потребуетя нужда в молитве Иисусовой, тогда прибавляй, а из читанного по книге убавляй. В случае же усиленное желание и внутренняя потребность явятся на чтение молитвы Иисусовой в утреннем и в вечернем правиле, не перебивай сего; от правила, читаемого по молитвеннику, можешь оставить во всегдашнее молитвы утренние и вечерние, а все остальное на время оставить, дабы усовершеншался навык в молитве Иисусовой, начинающей собирать ум и увлекать его в молитвенное чувство.

Между правилами всяко заботься быть с молитвой Иисусовой, для сего всяко приспособляясь, изыскивая возможности, дабы не многословить, но благоустроивая все свои внешние дела и жизнь.

Дело сие не трудно: что легче, как читать, повторяя одни и те же слова коротенькой молитвы? - но на деле оно бывает не так-то легко, хотя бы и не всем одинаково.

Память, отвыкшая помнить о Боге, вместо присутствия пред Богом время проводившая в вещах чувственных, увлекается их разнообразием, входящим чрез все пять внешних чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание.

Ум следует за памятью подобно рабу, так как все то во внутреннем человеке, что должно быть под управлением ума, включая и пять внешних чувств, все восгосподствовало над умом, посему-то упомянутые внешние чувства соделались проводниками того, что впечатлилось в памяти, и впечатлением, увлекающим и содержащим в своей власти и ум, и сердце, драгоценнейшие сути человеческого существа, каковыя Богом определены в Свое, Богу, жилище.

Когда же человек сходит умом и сердцем во впечатления чрез чувства, тогда ум и душа начинают жить жизнью нижеестественною, страстною, и, вместо господствования ума, над умом господствуют впечатления, и ум, вместо жить своей свободой, которую имеет от Бога в великий дар, вместе с душой влачит крайнейшее подневолье и рабство своим похотям, приведя в полное расстройство своего внутреннего человека. Чувства, не привыкшие к бодрствованию и соучаствовать вниманию молитвы, бывают уловляемы всем тем, что может доходить до чувства.

Трезвость, сей духовный пост, и при всяком желании человека, в это время внутреннего беспорядка, не сильно обуздать ни чувств, ни памяти, ни чего из того, что в человеке пришло в непорядочность и расстройство от безвнимательной к себе и безтрезвой к чувствам на внешнее жизни.

Посему-то человек, от первого начала, начинает вести борьбу со всем строем его доселе бывшего жительства, дабы благодатью переродиться свыше, избавившись от неестественного человеку.

Читает человек молитву и развлекается, снова читает и увлекается, и вновь вспоминает о молитве и читает вновь, и вновь утрачивает молитву, увлекаясь и от раньше впечатлившегося в памяти, и от новых впечатлений, воспринимаемых памятью чрез чувства отвне.

Воспринятое раньше восстает из сердца, воспроизводясь памятью чрез помыслы воспоминанием, а ко всему сему не замедляет подоспевать диавол со своим чем-либо, человеком доселе не знаемым и не виденным, по причине его безвнимательной жизни, хотя бы оно в человеке доселе действовало. Но как скоро человек определил себя на внимательность и приступил хотя бы к ее началу, она сейчас же обнаруживает человеку то, что в нем делается.

И по мере внимательности, по мере молитвенного делания ума, человек начинает чувства держать в большей неразвлеченности, и больше, и больше усматривает чрез помыслы исходящую из сердца злобу, что является нужным, и в это время молитвы, плодом молитвы, так как обнажается вниманием в сердце, как сказали - увлекают ум восвосяи от молитвы, но от этого приходиться в бездействие не следует.

Сколько будет увлекаемо внимание помыслами, и как слабо будет умное делание молитвы, человек от этого молитву оставлять не должен, наоборот: больше и больше следует ревновать, дабы очищать сердце от гноя греховного. Сколько бы много ум будет забывать молитву, вспоминай и снова делай и делай.

По мере принуждения себя к молитве Господь забвение твое будет уменьшать, а внимание будет, хотя бы и очень медленно, но усиливаться, больше времени оставаясь при молитве, подвигая ум человека к деланию ангельскому, на вкушение ему пищи, свойственной уму - молитвы.

Всегдашнее делание молитвы, то есть днем, ночью, вечером, утром, дома у себя и в отсутствии, в пути и за делом, стоя, ходя, лежа, сидя, в правиле утром и вечером, и кроме правила, - всегда, вот почему: как страсть, так и добродетель в человеке искореняются и бывают или добродетелью, или страстью от навыка – привычки; то есть человек несколько раз повторяет одно и то же доброе дело, усваивает в нем навык, так что потом это доброе дело он делает без принуждения, а по привычке, нечто естественно; то же бывает и с грехом, - повторяемый один и тот же много раз, образует страсть, а страсть, пришедши в силу, потом и не хотящу бы человеку грешить грехами страстей в нем обитающих, увлекается, грешит по привычке, принуждаемый страстью в подобии естества.

По подобию описанного о молитве следует разуметь также, так как и молитва Иисусова, особенно в ее начале, нуждается в навыке, а для сего человеку нужно всегда бывать с молитвою, и с желанием, и с самопринуждением, во время радости и в скорбях, но всяко нудиться делать.

По мере того, сколько человек будет заботиться и себя принуждать к молитве, благодатью Божией умом усваивается навык в молитве действующей, так что молитва укрепляется навыком и укрепляет ум на

предстоящее делание молитвы. Из этого видно, что молитва будет добродетельна, как и все другие добродетели нуждается в навыке произношения, делания ее. Навык делания молитвы стяжается всегдашним деланием молитвы, или выразиться: навык зависит от количества. Следовательно, словесная молитва нуждается в количестве - множестве. Возможно большее число раз следует прочитывать молитву в течение суток; не сразу, но в последующие дни будет увеличиваться, зависимо от внимания и усердия молящегося ума.

В период делания словесной молитвы диавол, плоть и мир действуют, увлекая ум от молитвы, изнутри: чрез порождение из сердца всевозможно-разнородных помыслов и чрез желания раздражительно-похотные; а от внешности: воспринимаемым, бывающим в самом грубейшем образе, в соответствии грубости омраченного страстями ума.

Грубость диавольских коварств бывает настолько нагла, нахальна, что только что приступивший человек к деланию хотя бы еще словесной молитвы и он, не опытный, обнаруживает их умом своим и усматривает в них таящуюся мерзость, и против всего умно-зримого зла борется молитвою, внимая ей и отгоняя зло прочь. Так и здесь полагается начало борьбы со злом-грехом молитвою, а не собственной силой, так как своими силами с диаволом и грехом бороться невозможно, безуспешно, бесцельно.

Внешняя жизнь человека во время делания молитвы Иисусовой словесной должна проходить так: в каких бы обстоятельствах находился делатель молитвы, какую должность он будет занимать, какое бы он проходил послушание, какое стечение дел будет его окружать, сложное или простое, - во всяком своем положении он должен стараться быть уединеннее, меньше говорить, храня уста и облекая их в малоглаголанье, так как молчащими устами молитва творится больше и удобнее.

Следует всегда знать и помнить, что Бог смотрит на его делание и что оно неотложно, так и есть.

Обиды и оскорбления нужно терпеливо переносить и прощать, а, бывши оскорблен, не злопамятствовать.

Время от времени из глубины сердечной вздыхать со словами мытаря: *Боже, милостив буди мне грешному!* и к Матери Божией по временам делать обращение в словах: *Мати Божия! не остави мене грешнаго!* и к Ангелу-Хранителю подобно; молитву же Иисусову непрестанно делать и делать.

Книги нужно читать душеполезные в свободное от трудов, от послушания время, или просто, утомившись уму в напряжениях молитвословия. Хорошо читать жития святых и подвижников благочестия, спасающихся в последние времена, Святое Евангелие, Деяния и Послания святых Апостолов.

Великих же книг, в которых говорится о жизни истинно-созерцательной, касаться в это время не безбедно, лучше их до времени не читать, так как чтение их в неискусившемся еще уме может рождать непосильные скорби, от которых ум ослабевает и не только не может исправлять, исполняя написанное в них, а и того, что по его силам, делается неспособным исполнять, сильно смущается, бывает в смятении, прилагает скорби к скорбям по своему неразумию, и даже унывает, удаляя себя от присутствия благодати Божией.

Книг, не содержащих в себе вопроса, побуждающего к исправлению нравственности, то есть с содержанием не религиозным, читать не следует на время, имея всецело заботу о нравоисправлении помощью в молитве действующей благодати.

Сон должен быть 6-7 часов, в случае, если обладаешь силами и здоровьем, а при болезненности и вообще слабости можно до 8 часов в сутки, так поступая до времени, когда сама молитва узаконит тебе продолжительность сна, и сколько она позволит, столько и упокоишься. Указанный продолжительный отдых 6-7-8 часов нужен вот почему: молитва Иисусова требует от молящегося напряженной

деятельности ума, а ум напряженно действовать может лишь тогда, когда подкрепляется отдыхом; а когда ум не имеет соответствующего отдыха, тогда он внимательно молиться бывает бессилён.

Питаться следует всегда с воздержанием, то есть, когда кушаешь, выходить из-за стола, чувствуя, что немножко не доел, не сыт; так же и пить, - и приучить так себя к воздержанию в пище. Хмельного и вообще разгорячающего похоть, блудную страсть, - не употреблять. Содержащего много жиров вкушай немного, дабы не огорчать себе усиленно и блудным похотением, и испарением желудка на ум, располагая к сонливости и бездеятельности.

Пищу вкушай больше постную и удобоваримую желудком, благодаря Бога за Его милость, и твердо верь, что питательность, содержащаяся в постной пище, вполне достаточна к подкреплению твоего организма, на поддержание жизни и делание молитвы. Приготовление пищи имей простое, избегая изысканности.

Образ жизни и сложность твоих дел всяко и отовсюду нужно упростить, дабы не имелось поводов от излишних забот о внешнем к отвлечению и расхищению ума, помня, что человек на земле живет подобно гостю или страннику, переночевали и в вечность поспешай, где нужно дать ответ за прожитую жизнь на земле. Земным, хотя бы и много увлекающим, не увлекайся, земля есть место не жизни, а лишь подготовка к жизни в вечности. Зело усвой и то, что человеку на земле определено скорбеть, а не радоваться: *В мире скорбни будете* [16].

Приучай себя довольствоваться необходимым, без всяких излишков, излишек отнимает часть времени на заботы о нем, даденного на снискание пользы душевной и на заботы прославить Бога.

Держись всегда и везде только спасительного, для сего Творец нас вселил на земле сей в печалях. Места, в которых не избежишь развлечений, всяко не посещай, уклонись и не помышляй о них, за исключением неотложностей, скоро удаляйся из них, зная, что твоя забота о Господе деланием молитвенным близит тебя к предстоящей молитве, а не заботящуся тебе о молитве, ты остаешься на месте, с которого начинаешь отступать в задняя. Везде и всегда не давай свободы твоим желаниям, они губят душу и помрачают ум, а поскольку будешь стеснять свои желания, поскольку будешь ради Бога уединяться и безмолвствовать для Господа, и постольку будешь с Господом, и Господь с тобою, а небрежение о молитве удаляет от Господа.

Люби Бога всегда, а любовь к Богу свидетельствуй отсечением своей воли и исполнением воли Божией - и все сие ради Господа. Богу угодно, когда ум наш бывает занят непрестанною молитвою, так об этом и всемерно попекись.

Общественных увеселений, обедов и подобного уклоняйся, дорожи всяким мгновением времени, тебе даденном на спасение в просвещении ума, зная, что по смерти такого спасительного времени получить невозможно. Без общественных обедов ты можешь обойтись, а вреда от них избежать тебе трудно, так и не посещай их.

Вообще, всего того, что тебя отводит от твоего уединения, постарайся уклониться, а в замену все свое желание употребляй на молитвенную беседу с Господом, внимая молитве.

Успехов в твоём молитвенном труде не усматривай, потому что в словесной молитве, при всем твоём желании жить ради Бога, ты живешь страстями, так как человек живет сердцем, а в сердце страсти - греховные привычки, каковые в это время лишь обессиливаются.

Видения или откровения, или дарования, в каком бы виде тебе ни представлялись, и как бы священные и благодатны тебе ни казались, от всего сего уклоняйся, ни к чему своего ума не прилагай, а внимай лишь тобою читаемой молитве, считая себя недостойным всяких даров, как собственно и является на самом деле. Ты не даров искать начал молитвою, нет, а самой молитвы, и преданности в волю Божию, а сие бывает даваемо Богом не даров, и откровений, и видений желающим гордецам, а зрящим себя не

достойными не только дарований, но и самой сей, полной скорбей жизни; они видят свою греховность, а мера сознания своей греховности является меркой очищения сердца от греха, что в делании умной молитвы - покаяния является ценным: *Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего*, - так молился святой Ефрем Сирин, а не дарований искал; и еще: *зрящий свои грехи выше видевшего Ангела* - у первого открывается око духовное, а последний увидал чувственно.

Все описанное нужным при словесной молитве сразу невозможно иметь, но нужно себя приучать к указанному, оно в одно время бывает в слабых формах, в другое нужно все неопустительно, со всей строгостью; а в случае не увидишь в себе сказанного, дела не оставляй, а лучше приступи и делай молитву, восстанавливая недостающее; и другое, о чем знаешь твердо, что оно душе полезно, делай; но указанным советом не гнушайся, так как оно свидетельствовано опытом святых отцов и бедность человека писавшего касалась сего, и яви на пользу иным.

Читать молитву, как сказали, нужно везде и всегда. Когда находишься в своей комнате один и находишь себе удобным читать шепотом - читай шепотом, а когда бываешь вне келлии и не желаешь, чтобы кто слышал, - читай шепотом, слышанным лишь тебе самому, то есть про себя; а в случае чтение молитвы про себя будет приемлемо и когда бываешь один в келлии, то делай так же, - что тайнее, то лучше для тебя, так как ты делаешь научение тайное сердца человека и, приучившись так, будешь иметь возможность и среди общества людей заниматься молитвой, внимать словам в тайне Бога Великого, и делая свое спасение.

Когда же бываешь исключительно в православном храме Божиим, можно ум занимать и в продолжение всех служб молитвой Иисусовой, а во время литургии - обедни, особенно на Великом входе, когда все молящиеся молятся усерднее, испрашивая каждый по своим потребностям нужное, и ты делай так же, или, как сумеешь, проси у Бога прощения своих грехов; а в случае молитва сделалась привычной, и в это время обедни читается, читай ее. Она содержит воззвания к Богу покаяния с ходатайством прощения грехов, что и является необходимейшей сутью наших молитв и подвигов, и во всякие священные минуты молений.

Если же во время службы в церкви, а особенно во время литургии, сумеешь быть в большей нерасхищенности помыслами, делай как сможешь, но молитвой Иисусовой пренебрегать и во время службы не советую, так как ею стяжываются все добродетели: чистота, премудрость, зренья, прозрения, премудрость неба, преподобия, святыня, разум небесный и другое все великое, в каковом она благодатно всесильна, а по сему-то быть с внимательной молитвой и в молитве с благодатью всегда безошибочно.

Всякую мирскую увеселительность имеется нужда от себя изгнать и комнату - келлию свою сотворить чуждой увеселений.

Когда бывает нужда в себе рассуждать или с другими говорить - рассуждай, говори о смерти, об аде и вообще, об участи нераскаянных грешников; а когда бывает зело печально, кроме рассуждений и воспоминаний об аде, которого избегаешь за терпеливое перенесение печалей на земле, можно вспоминать и о рае, и о блаженствах с близостью к Богу, каковые получают за исполнение и познание святой воли Божией, в терпеливом перенесении того, что встречается при умном делании молитвы Иисусовой.

Скорби, как внутренние, так и внешние, встречающиеся на пути спасительной жизни и покаяния, следует нести терпеливо, так как *многими скорбми подобает нам внити в Царствие Небесное* [17]. Скорби, терпеливо переносимые на земле, в вечности нам заменят страдания ада и явятся, в подражание Господу, образом Креста Христова, вселяющего нас в жизнь, то есть в Бога, на безысходное в Нем, Боге, обитание.

Всегда спастись - значит всегда скорбеть, без скорбей нет спасения. Как нет для последователя Христова на земле счастья: *В мире скорбни будете* [18]... Последователи Христа на земле всю жизнь

проводили и проводят в скорбях: скорбь - их всегдашний спутник и тиран, но и учитель, научающий их мудрости истинной, небесной, Божией.

Таков путь Креста Христова - каменист и отовсюду терния, но он же дарует человеку истинное познание самого себя и истинное познание Бога и всего истинного, истинно устроив из человека философа истинного, небесного - Богослова изрядна; и не только истинным ведением одаряет человека, а и разум сущих дарует ему, разум - сие солнце духовное, светящее везде, всюдно и всяко, и навсегда, хотя бы человек во внешних науках нисколько не искусен, - прост сущ^н.

Дела всяко нужно делать честно, без лицемерия на отдельных лиц, дабы совесть не укоряла, а была чиста; а через сие человек научается и привыкает любить всех людей и во всех видит своего ближнего, больного и расслабленного, коему прощает все обиды и оскорбления, им учиненные; а судя во внешности, и своих недоброжелателей видит благодетелями и может престать иметь врагов на земле от среды человек, любя всех их, со свидетельством - смиряя всяко свою свободу пред свободою их, хотя бы и недолжною, а себя всяко укоряя.

Так установившись, следует проходить делание молитвы, доколе соделается оно привычным для слова. Временем это делание не определяется, и не у всех бывает одинаково, юные при старании воспринимают быстрее, а пожилые - медленнее, так как память пожилых в большей мере объята чувственностью, нежели у юных, а совсем не успевают лишь те, кто не хочет трудиться о своем спасении.

Помыслов во время молитвы словесной бывает бесчисленное множество, рождаются они из сердца, и почти все диаволом, при представлении страстей; ум же, внимая молитве, разбивает их о камень Сладчайшего имени Господа Христа.

Бывают помыслы и безотвязные, томящие человека, не хотящего их, день - два и больше; таковые необходимо исповедовать твоему старцу, или старице, или, наконец, в случае нет старца, то повергаться пред Богом, прося Его сотворить отмщение сопернику твоему диаволу; сказанное же тебе старцем исполнять в точности, и помысел, обнаруженный и объявленный при свидетеле-старце или Богу, удалится, лишь ты, старец, бывай в истине, выше всех искушений ученика твоего, не обуреваясь помыслами в образе и форме учениковой.

В случае нет кому поведать помысел, делая молитву, определи себе не соглашаться с помыслом во всю жизнь твою, и не унывай - борись. Господь, видя стремление твое к добру и твою со злобою борьбу, Сам поможет тебе, запретив помыслу или, не отнимая брани, подаст терпение. А делает сие Бог потому, чтобы ты мог за борьбу и терпение твое соделать в спасительном прибыток, нанести в свое время диаволу глубокую рану во главу.

Исповедаться и причащаться нужно во все посты хотя бы по разу, а при возможности и чаще можно, но очень часто посоветовать не следует, потому что нужно достойно приготавливаться. При невозможности, - хотя бы раз в год, а в случае и сие невозможно, то, возложив все упование на Господа, бывай с молитвою, и Господь, видя твое доброе произволение, примет желание как самое причастие, успех в молитве не уменьшится, спасешься.

С деланием молитвы приобретается памятование о Боге, зрение своей греховности, а не усматривание праведности, свое немоществование, а не сильность. Не считать себя достойным чего-либо особенного, будучи в грехах, каковые и видишь в себе, проявляемые чрез помыслы, или желания греховные. Грешник посещения Божия достоин не бывает, и ты себя достойным не считай.

Ввиду сказанного, все случающееся с тобою, или в тебе, или вокруг тебя, кроме молитвы, как-то: свет, каковой бы ни был, теплоту в себе, лица святых или что подобное, - не принимай, так как бывающее в таких или иных ведомостях, кроме молитвы и внимания ей, бывает от диавола.

Благодать человеку, делателю молитвы, присутствует в молитве, очищая ум от помрачения, а душу - от страстей, что и являет ценность кающемуся, а не иное что. Благодать бывает присуща уму с молитвою лишь тогда, когда ум делает молитву и именем Божиим побеждает помыслы мирно, не смущенно, а за другим чем уму гоняться бедственно, прелести не избежать, и плод можно пожать только бесплодный в печаль.

Бывают иногда помыслы, именуемые естественными, они исходят от ума, не желающего грешить, о них распространяться не следует, потому что они и пользы не соделают, и безвредны, лучше их уму не рождать и не внимать, упражняясь в них бесполезно.

Дело ума - молитве внимать, и помыслы ума - молитва, а всякие другие помыслы следует иметь как проходящие странники, не нужные уму; а в случае будет с ними разглагольствовать ум, не избежит от них вреда, они вредоносны. Бесчисленного множества помыслов страшиться нет никаких надобностей, они все проходят без успеха, аще токмо ум окажется делающим молитву, а не внимает помыслам. Ум, когда бывает с молитвою - с именем Божиим, побороть ничто не сильно.

В период делания сей словесной молитвы особой мудрости и знания от человека не требуется, нужно только лишь старание, успех будет несомненен; искушения же трудно распознаваемые тоже не бывают; главное, диавол борет помыслами, а от внешнего мира нужно удаляться.

В словесной молитве упражняться может всякий и каждый, лишь ничего не принимай, а молитву читай и ей внимай.

Период продолжительности молитвы словесной зависит от усердного в делании ее прилежания и от меры огрубения сердечного до молитвенного труда.

Человек, упражняясь в молитве Иисусовой, именуемой словесной, помощью благодати Божией получает в ней навык со свидетельством: когда человек чем-то другим отвлечется от молитвы, и, кончив дело, не вспоминает молитву, язык сам начинает подобно-естественно вращаться, выговаривая слова молитвы, и в это время ум вниманием переходит на молитву и начинает молиться словесной молитвой.

О молитве деятельно-умной

Умная молитва умной называется потому, что читается мыслию, а мысленные слова являются естеством ума, а от сего - умная.

Деятельною сия молитва именуется потому, что действуется умом до всецелой преданности в волю Божию, а не самодвижно - Духом Святым.

Устроившемуся человеку в делании молитвы словесной, как сказали выше, ум начинает, по выражению святых отцов, теплее - усерднее прислушиваться к словам языком читаемой молитвы, прислушиваясь же возлюбяет ее больше бывшего любления ее и начинает сам погружаться в нее, то есть вместо увлечения исходящими из сердца помыслами, или вращаться в помыслах им самим рождаемых, ум начинает творить - читать молитву.

Отселе мысленное слово ума, рождаемое в тайнике ума существа человеческого, приемлет мыслию творить молитву - молитва отселе у ревнующих бывает мыслию ума.

Имеются лица, у которых и до делания молитвы Иисусовой бывает развито мышление, таковые могут молитву Иисусову и в начале читать, не вращая языка, а и с начала читать мыслию.

Сия молитва, творимая - говоримая - читаемая - произносимая самую мыслью, именуется молитва умная, читаемая умом, а не языком; отседе молитва творится мыслью, умом.

Всякая другая мысль - помысел, предстающий пред умом; ум делается яснее, помыслы хотя бы бывают близ его и в нем, но они не его, он - ум - удобнее понимает их, а ненавидя их, не внимает им, смотрит, но не как на свое, а как на чуждое; ума же, возревновавшего о спасении, мыслью является молитва.

Ум, вращая молитву мыслью, на всякий помысел может смотреть с большей ясностью и определяет его помыслом от диавола - враждебным, пришлым, так как его естественное слово мысли он определенно заключил в словах молитвы, каковых и держится вниманием. Ему удобнее бывает держаться вниманием молитвы, исходящей из его собственного существа, и сила ума молитвой, во благодати молитвенной, приходит в большую на поражение всего, бывающего от диавола.

Ум, молясь со вниманием своею, им рождаемою мыслью, своим естеством делается тоньше, нежели доселе, когда он лишь прислушивался к словам молитвы, выговариваемой языком. Отседе человек начинает следовать за ангелами, устроив свой ум, в сути - дух - питаться и делать молитвою и молитву, то есть то, что составляет всегдашнюю пищу и всегдашнее делание ангелов святых.

Отседе такого человека без смущения можно облекать в ангельский образ - в мантию, бывая свидетелем его обещаний Богу, даваемых добровольно при постриге волос. Сей уже есть подражатель ангелов.

Постриг, совершаемый без умного делания молитвы, сомнителен, а посему-то наших времен монашество пришло в упадок [19], и умное делание зело редце видим.

Настоятели и настоятельницы сами, за исключением некоторых, не имеют и не имели сего ангельского умного делания молитвы, хотя бы внешне-то и облеклись в одежды ангельского образа, нося его в осуждение себе; конечно, и представляемые ими к постригу ничем соответственным ангельскому образу не отличались; так и наполнялись наши монастыри монашеством, которое увлекалось знаниями научными и отличалось от общества одеждою, а не внутренним устройством человека, делающего делание непрестанной молитвы - ангельское. А что хуже, то проявление умного делания в некоторых многими из них признавалось неправостию и прелестью, так как они достоинство монашества полагали лишь во внешнем обиходе монастырской жизни.

Богу нужно наше сердце, мы должны очищать внутреннее *скляницы* [20], и внешнее тогда будет чисто. Богу нужно наше духовное, ум и душа, а не тело, которое мы облекаем одеждами. Одежды являют совершение и определение ума с душою, что ценно.

Навыкнувший в делании умной молитвы сим деланием свидетельствуется в милости к нему Божией, что Бог покаяние его принимает и ожидает больших плодов молитвою покаяния, и что оно являет извещение о том, что он, трудясь в делании молитвы над очищением своего сердца, благодатию может получить полное прощение, сокрушив и изгнав из сердца все страсти.

Молитва умная есть не что иное, как милость Божия и Божия благодать молитвенная [21], своюю молитвенною теплотою, то есть самую молитвою, согревающая ум человека и пленяющая его в свое ей делание.

Поимевый милостью Божией умную молитву да не отчаивается своего спасения, нет, а и намножайше да приемлет веру во умоление Бога от грехов своих и с большей ревностью да приступит умной молитвой поражать диавола, в помыслах действующего из сердца уже не в грубейших формах, а в грубых и тонких.

Тонкие формы искушений распознавать труднее, но ум, приявый благодатию молитву умную, от благодати приемлет и очищение, естественное тонким формам искушений, каковыми в это время искушает диавол, дабы уводить ум в плен от молитвы искушениями.

Ум, до умного делания молитвы не замечающий в сердце действующих тонко искушений, отсекает и их замечает, и посекает мечом молитвы умноделаемой, внимая лишь ей, другое же все обнаруживаемое гоня прочь.

Всякий раз, когда диавольский помысел, появляющийся всегда с большей тонкостью, нежели прошлые помыслы, бывает умом усмотрен и отогнан, это заставляет диавола изобретать и еще большую, постепенную тонкость, дабы улавливать ум молящегося восвосяи; но ум, всякий раз не внимающий помыслам, а внимающий молитве, благодатию приемлет большую тонкость, каковую имеет возможность замечать, хотя с принуждениями, и больше тонкие хитрости диавола; то же следует знать и о внимании, оно со всяким разом отгнания диавольского помысла и стояния при молитве делается сильнее, что дает возможность уму, внимающему молитве, обнаруживать и в это время диавольскую хитрость - искушения.

Таковой порядок борьбы, то есть диавол всякое искушение или следующий помысел, будучи доселе отгоняем, презираем, представляет уму в большей тонкости; но ум, устоявший вниманием в молитве и тем являющий презрение к диаволу, а любовь к Богу, - в прошлых искушениях от диавола он устоял победителем, а от сего усилилось внимание, и увеличилась тонкость ума, - и на эти и последующие искушения бывает способен и силен не отвлекаться умом, внимающим молитве от молитвы, и тем побеждает диавола в помыслах и искушениях вообще, каковые бывают равными помыслам.

Тако борьба проходит надолго, хотя бы и не определенно, но и не кратко; ум, делая и внимая лишь молитве, бывает способен побеждать всякую в это время попускаемую благодатию в искушениях диавольскую хитрость.

Диавол нередко подходит с помыслами, кажушимися добрыми, и лишь для того, чтобы ум увлекся от молитвы, каковая диаволу противнее всего другого.

Диавол дает возможность рассуждать уму в делах богословия, или открывает нечто подобно тайн, или человеку делает подобие дарований великих, и другое подобное, в желании отвлечь ум от молитвы, которою обнажаются в точной и всесторонней постепенности его хитрости и коварства для человека, с молитвою пожигаемые, и делает нечто доброе человеку ложно-мечтательно.

Ум, внимающий молитве и бывающий всегда-непрестанно в молитве-действии, и заботящийся лишь о предстоянии молитвенном Богу, испрашивая прощение своих грехов, минуя упомянутые и им подобные искушения сатаны, так как таковой ум положи Бога в свое спасение и, будучи грешен, считает себя недостойна особых благодатей; разве молитвы ничего не приемлет, а держится лишь исключительно внимаемой или совершаемой молитве умно.

Возмечтавший ум о дарованиях, или пустившийся в богословие, или в рассуждения различать духи, или вступающий в собеседование с духами, или принимающий откровение от духов, или нечто диавольски прозорливствуя и другое многое подобное, - таковой сдает плод горький; сей оставил Бога и с Богом собеседование молитвой, а уклонился к сатане, вступив, диаволу помогающе и искушающе, в им никогда истинно не разгаданное; прельщается таковой горце-велико, а что хуже, то он советов принимать ни от кого не желает, оставаясь в своем злоумии.

Человеку нет ничего высшего, как умною молитвою беседовать всегда с вездесущим Богом, предстоять Богу умно и умолять Его о своих грехах. А как сказали выше, молитва именуется мать добродетелей, - с молитвою и другие добродетели приемлют совершение, также и дары, и прозрение; без молитвы же ни одна из сих человеком не восприимлет; но следует лишь молитву читать и молитве внимать, а все великое и таинственное Бог Сам усовершит, когда оно будет потребно, после того, когда будет очищено сердце полностью от страстей, и когда воля Божия будет совершаться всецело.

Молитва, и молитва, и молитва лишь одна, благодати молитвенной в ней содействующей, может внимающего ей во всех искушениях проводить безбедно, ибо в ней и через нее действует Сам Господь,

не попуская уму увлечься в диавольские тонкие искушения; а все, что кроме молитвы, хотя бы оно может казаться спасительным, добрым, бывает недостаточным на победу над диаволом, так как матерья доброделания - молитва, а без нее и другое силы прияти не может.

Умная молитва, по подобию словесной, в ее начале имеет нужду в количестве - множестве; количество нужно, дабы ум окреп в делании сей умной молитвы, неизменно предаваясь в волю Божию, и ум пришел бы в свой умовой, мыслию молитвы, навык.

Навык умной молитвы познается так: проснувшись ночью, ум первую мыслью имеет молитву; вставая от сна, ум первую мыслью двигает молитву; после всякого дела, отвлекающего ум от молитвы, молитва сама начинает в мыслях читаться, и к молитве всегда склоняется внимание; во время обеда молитва не оставляется, а в чем-то маловажном ум слушает настолько, насколько слушает помыслы, не переставая делать молитву и внимать ей.

В период делания молитвы умной искушения бывают от диавола большей тонкости и сложности, и уму самому в них запутаться очень даже можно; но в случае имеется опытный наставник - старец - отец духовный, учитель, тогда об этом разговор принимает конец, - обращайся к нему, и он укажет, где и как нужно поступать, а при надобности и предупредит искушение; а в случае не имеется такого опытного, то и тогда боязни предаваться не следует, - бывать с молитвою и лишь молитве внимать, а все случающееся, кроме молитвы, отгонять невниманием прочь.

Бог искушение всякому делателю молитвы, если только он брань с диаволом ведет мечеом молитвы, попускает по мере его умных сил к уразумению искушений и к победной борьбе над ними по мере тонкости ума, в уразумении и перенесении хитростей диавола с пользою человеку; и диавол большего сделать человеку ничего не может, следовательно: Бог благодатию попускает искушение не выше сил молящегося, лишь бы молящийся знал исключительно молитву и был спокоен в молитвы делании; благодаря сему ум нудится видеть искушения, вниманием обнаруживает их и никогда не увлекается ими, тогда они все проходят мимо, ибо презренны умом, с пользою уму, так как ум, всякий раз отогнавший помысел вниманием молитвы, усиливает внимание и приобретает большую тонкость.

Дело ума - молитву читать, молитве внимать, - и так от начала словесной молитвы и до всецелой преданности в волю Божию, не останавливаясь вниманием, кроме молитвы, ни над чем.

Ум не должен принимать ни светы какие-либо, хотя и от иконы, ни голоса, хотя бы пели ангелы, так как он предстоит умом Владыке ангелов и к Нему обращается в молитве; не принимать даже приходы ангелов или святых, каковы до полного очищения ума и до всецелого исполнения воли Божией не бывают, а бывают лишь мечтания диаволов, каковы человек ни в коем случае не должен принимать; лишь внимая молитве и предстоя всегда незримо присущему во вездесущии Богу, сему неизменно веруя, - и что же выше сего?

А благодать всегда действует в молитве; благодатное, нужное своевременно уму бывает в молитве и молитвою. Быть равным деланию молитвы с предстоянием безвидно присущему Богу ничто другое и из благодатных не может, и увлекаться следует только и исключительно беседою с Богом, молитвенно и со вниманием молитве, а другое все и всякое - прочь.

Человек в делании молитвы умной, утончаясь умом, зрит умно свою греховность, каковою он видит переполненным свое сердце, и плачет, и взывает о помиловании к Богу.

Находящегося человека в делании умной молитвы и зрении своей греховности диавол своими прелестями боится, так как он знает, что будет поражен и потерпит поражение, а подвизающийся получит большой опыт в распознавании искушений диавола, и большее мужество на борьбу с искушениями.

Дьявол, бывая поражаем благодатию в умной молитве, обессиливает и искушениями, каковые много обогащают ум молящегося, - искусствами, ни в коем случае больше не дерзал бы, но, будучи побеждаем благодатию, бывает вынужден проявить пред подвижником и сии свои хитрости, не вредив, а обогатив знанием брани подвизающегося в молитве и молитвою.

Благодать Божия все это делает, дабы молящийся знал и таковые искушения дьявольские, и яснейше познал бы, сколько сильно имя Сладчайшего Господа и всемогуще оно в поражениях всего, от бессилия дьявольского бывающего, и как Он всемогуще управляет всем!

Всего случающегося с человеком, всего бываемого во искушениях от дьявола, всех борений со страстями, всех самопринуждений к деланию добра и внимать молитве, и вообще всего, бываемого во время делания молитвы умной, описать невозможно; да и не всем бывает одно и то же, оно зависит от ревности молящегося и доброделающего, частью от стечения и сложности дел внешних.

Главное же и всем неотложно нужное упомянуто, то есть все, что случается, кроме молитвы и вниманий ей, не принимай, ничему не внимай - гони прочь; нужно бывает, дабы внимание усиливалось, ум очищался от помрачения, а душа - от страстей, обессиливая их; при сем бывает сознание своей греховности, тоже ум видит свою греховность и оплакивает её.

Кроме имени Господа ни пленяться, ни соглашаться ни с чем не следует, а знать всяко и всегда лишь молитву со вниманием ей, а молитва - Мать добродетелей, без добродетелей не бывает. В какой степени успевают молитва, в таковой - и все другие добродетели, и преданность в волю Божию, и исполнение воли Божией.

Сознанием своей греховности человек не дает согласия с помыслом о каком-то своем достоинстве, а молитвою отсекает всякое искушение; да какое дарование, или откровение, или явление окажется больше сего, больше с твердою верою предстояния ума молитвенно пред Богом, и память иметь о Господе Боге, и всегдашнее памятование со свидетельством: ум зрит в себе и при себе десницу Божию, поражающую супостатов молитвою.

Держись памятью твоею Господа, молясь Ему со вниманием, и Он Сам отмщеваяй – отомстит, и побораяй - поборет за тебя, так как ты вести брань с супостатом бессилен, а устрояет победу Иисус Христос. Она определена Им Сладчайшим и Всепобедоносным.

От человека бывает лишь доброе его произволение и несогласие на зло, готовность бороться со злом, но только именем Божиим. Ты можешь предпринимать что-либо против зла и дьявола, но оно без Бога немедля и всегда похищается одною из страстей, а успех делает благодать Божия и незримо для человека.

Благодать приемлет доброе произволение человека к добру, и больше научает надеяться не на себя, а на Бога спасающего, и научает брани вести Богом, открывает тебе твое бессилие, ничтожество и смиряет тебя; и она же научает предаваться в волю Божию и все свое находить и полагать в едином Боге, и бывает виновна во всех тяжких искушениях причиною укрывания в Боге и борению Богом в действии молитвенной благодати.

Так деятельность человека, от доброго произвола бываемая, если не в деле деяния, то в чем-то другом, но обязательно благодатию устрояется к успеху большему, как была цель свободного произволения.

Видя о себе благодати попечение, человек, благодаря этому, подобноестественно предается в волю Божию; то есть, действуя, действует не только начало молитвы Иисусовой в саду Гефсиманском: *если возможно, да минует Меня чаша сия*, прося помилования, а и конец: *впрочем, не как Я хочу, но как Ты* [22], - предаваясь в волю Божию, в волю Отца Небесного, возгораясь большею любовью к Нему и

ревную много о славе Его; и выходит на большие подвиги и борения с новыми искушениями и опасностями от диавола.

Бывши человеку наученным, что всякое борение вражеское за него поборают Бог, а от человека требуется лишь со вниманием творимая молитва и себя к молитве большее принуждение. Молящийся видит больше и больше необходимость в молитве всяко усерднее вниманием прилепляться ей, ибо разбойники - душегубители диаволы всяко хитры и неопытному сильны; они, где доселе и не предполагал, и не ожидал, нападают; даже и то, что молящийся доселе понимал добрым и имел как доброе, отселе видит переполненным их хитросплетенными сетями, и усерднее прилепляется Господеви, дабы защитил его, скрываясь в молитве.

Как все страсти из себя образуют цепь, каждая же по отдельности являет звено цепи, так и добродетели; те и другие сцеплены между собою и составляют одну неразрывную цепь, а поэтому бывает так: сделанное одно борение против страсти обессиливает эту страсть, а усиливает противоположную страсти - добродетель, подвигая ее в передняя, а страсть - в задняя; добродетель же, являясь составной частью цепи добродетелей, с собою одновременно увлекает и всю цепь добродетелей, а по сему образу и страсти - отступающей одной, отступают все страсти по причине их соединения каждой со всеми. Доброе дело одной из добродетелей питает, усиливает все добродетели, - этот же закон и о страстях.

Зная вышесказанное, можно сказать: страсти очищающемуся уму обессиливают, истощаются по мере очищения ума; добрые же чувства одновременно оживают по мере истощения страстей. Истощение страстей и усиление добродетелей делается во весь период делания молитвы умной; человек, не делая молитву, об этом не знает, а если и видит, то видит свои лишь безуспешности и, по причине утонченности ума, - большее количество греховного, исходящего из сердца, доселе действующего, не скрывающегося за грубостью ума.

Благодать Божия, совершающая спасение человека, ею сделанное человеку доброе и спасительное скрывает от человека, дабы человек не остановился на пути; сама же страсти обессиливает, показывая уму коварства диаволов и страстей, а чувства добродетелей души восстанавливает, сама же скрывается от молящегося и от диавола.

Благодать скрывается и наказует, своевременно бьет его, и попускает уклоняться в малые погрешности и о сем строго требует исправления, дабы он не на себя надеялся, а на Бога спасающего; и научает, и вразумляет, и во все время молитвы умной делает его искуснее в искушениях, дабы ум мог принять потом самовластия силу, от Бога ему даваемую в дар побеждать диавола, плоть и мир, и всякое и все зло; и возмоз бы, по подобию Господа, будучи сам искушен во всем, то есть встречался с искушениями, и силой Господа боролся со всяким искушением, какое он побеждал памятованием молитвенно Господа, мог сам помогать другим, имеющим ум еще не искусный, смущающийся.

При делании молитвы умной всякое лишнее знакомство следует прекратить, а касаться лишь тех людей, с которыми бываешь связан крайнейшей нуждою и соотношением. Следует быть возможно уединеннее, уста связывать более строгим, нежели при молитве словесной, молчанием; всякое другое правило, тобою читаемое по молитвеннику, можно лучше заменять умной молитвой Иисусовой.

Когда бываешь среди людей и читается правило другими по книге, ты можешь занимать ум привычным деланием молитвы умной.

Воздержание необходимо иметь во всем и всегда.

Питаться нужно умеренно: когда выходишь из-за стола чувствовать, что мог бы кушать и еще немного; и так всегда, а иначе из желудка будет выделяться испарение и ум располагать ко сну, омрачая его бдительное око, и всяко отдохнуть советуя человеку от отяжелений в желудке.

Воздержание во всем неотложно при молитве.

В случае молящийся откажется от воздержания в пище, тогда желудок действующей молитве будет производить зельную мокроту - подобие отрыжки и желудок должен облегчаться; лучше воздерживаться, приучаясь постепенно к воздержанию.

Уму свойственно быть на свободе от всего, что приводит его в бездействие и сонливость и не дает должно внимать молитве, им же читаемой.

Нужно строже бывшего уклоняться общества, не по презрению к человеку, да не будет сего, а лишь в целях любви к Богу, и удобнейшего во внимании совершения молитвы.

Печали в заботах о земном множае бывшего нужно избегать, довольствуясь яже Бог даде, и не скорбя о другом. О земном вообще следует заботиться меньше, так как о земном заботятся много лишь те, кто не знает цели земной жизни - назначения.

Брату, от него бываемое не доброе тебе, все прощай, не воздавая злом за зло, а молясь о нем, - и ты виноват пред Богом.

Сознавая греховность, действующую в сердце, до отчаяния не доходи, а лишь о содеянном плакать и каяться, вздыхать и сожалеть, и сокрушать страсти покаянием в молитве делании, обессиливая страсти.

Дела других не судить, так как и сам грешен без числа, да еще всего находящегося в сердце зла не видел. В сердце целое гнездо создано из страстей, каковое соделалось самим сердцем в сердце, о каковом сказано: *сокрушати сердце*, которое явилось источником злых помыслов: *От сердца бо исходят помышления злая* [23].

Плакать имеется нужда, дабы душа омывалась и слезами, когда они имеются, и - сердце, горько скорбя и сокрушаясь греховным утверждением на корне самости горделивой; а нет слез, истекающих из глаз, тогда скорбью сердечной сие восполнять, сокрушая и уменьшая сей скорбью деятельность страстей, и не соизволяя им, и не исполняя их требования.

Поклоны класть, судя по силам и по действию страсти блудной, то есть когда имеются силы и здоровье и страсть действует сильно, тогда нужно класть поклоны, не лениться - больше, а при слабых силах, осудив себя, довольствоваться числом молитв.

Поблажек телу в его требовании не давать, даже не доверять ему и тогда, когда оно будет являть свои немощи, а внимать очень мало, иначе от него не отделаться; лучше сего врага своего совсем не слушать, дай ему разумно необходимое, и пусть бывает довольно. Святые отцы говорят так: тело в спасительной жизни должно быть в роли глухонемого слуги, исполняя все ему указанное.

Святые своим телесам не внимали, а внимали очень мало, зная, что сия храмина душе сопряжена лишь для принесения покаяния, а не иначе. Суд и цену себе следует поставлять правую, то есть согласно того, как ум видит сердце свое переполненное страстями, зреть себя лишь грешника больше всех человек - это суд о себе правый.

Считать себя следует худороднейшим, и мрачным, и ниже всех по уму суца. Видеть подобает, что все выполняют планы о них Божии, а лишь ты один не исполняешь о тебе воли Божией, и тогда грешишь, когда Господь помогает тебе не грешить, ты же и грешишь, и грехом услаждаешься.

Жить в келье удобнее одному, ее иметь следует в простоте, а внутреннее ее устроить в среднем, то есть ни забот, ни нерадения лишнего да не будет; то же следует знать и об одежде, и об обуви, и о другом необходимом; а в случае Господь соделает твоё житие и беднее среднего, прими от руки Его и бедность с благодарностью, веруя, что Он знает, что и как тебе полезнее; если же крайняя бедность

постигнет тебя, и ею не тяготись, зная, что наше богатство - Господь, и все наше - в Господе, и мы все променяли, дабы обрести Господа, близ сущего, - исполнив назначение земной жизни.

Провести земную жизнь попусту - очень бедственно, а посему-то следует заботиться о том, чтобы отправлять покаяние, примиряясь с Господом.

Подостлание ночное - постель - имей не мягкое, но теплое, а иначе можешь застудиться и сам себе явишься препятствием делать молитву умно, что для тебя составляет печаль.

Лиц другого пола, представляемых памятью в образах диаволом, зри во гроб полагаемых и положенных, и тело их разлагаемо представляй со зловонием и червями многими; и свое вспомяни безызвестие о смерти: быть может, начался последний час твоей жизни на земле, а по сем за грех ожидает тебя мучение бесконечное, конца не имеющее, - и мечтания страстные, скверные исчезнут.

В случае тебя будут беспокоить привязчивые помыслы дня два-три, один и тот же неотступно беспокоить, и нет близко опытного, которому бы было можно поведать, и ты изнемогаешь в борьбе с ними; тогда востани в келлии своей пред иконы и скажи вслух уха, слышно, Господу, zde сущему, руки имея поднятыми вверх, о нападающем на тебя помысле, твердо веруя, что Господь уже знает чрез твое Ему исповедание о диавольской козни; он оставит тебя, ибо будет тогда объявлен и пред Господом, так как он - тайна беззакония и тьма, и действовать может лишь тайно и во тьме до времени его объявления; бывши обнаружен или усмотрен, что в место его присутствия и лукавства проник свет - он усмотрен, он тогда бежит без оглядки, палимый светом.

Такое обнаружение обессиливает диавола и во время исповедования помыслов старцу, - он, обнаруженный, да еще при свидетелях, удаляется.

Когда и после твоего такового Богу исповедования борьба не отступит от тебя, тот же помысел беспокоит тебя, емлись [24] усерднее за молитву со вниманием и знай, что Бог хочет тебя, терпящего такую брань, научить большему терпению, подготавливая тебя, как отец дитя, к большим искушениям, перенесением каковых с терпением и борением устрояется дело твоего спасения; им Господь пожелал, чтобы тебе терпящему и после исповедования брань усилить в тебе начавшимся доброделанием, а сердце страстное сею борьбою обессиливать; и, во всяком случае, усматривает Бог полезнейшее тебе; ты же не отчаивайся и сильно не унывай, а, внимая молитве, борись с неотвязчивым помыслом, зная, что он не твой, а диавольский.

Это тебе может служить некоторым представлением - как диаволы безотвязчиво будут мучить грешников в аду, действуя в них страсти одну за другую, и они не сильны будут избавиться от навязчивости диавольской; и не только не следует таким помыслом тяготиться, а и благодарить Бога, нас на земле наказующего, дабы избавиться от мучений в вечности.

Так исповедовать Богу помыслы нужно возможно реже, ведь нужно вести борьбу, а не уклоняться от нее, а лучше, внимая молитве, не унывать, а бороться и бороться. Борьбою совершается победа, борьбою мы стяжеваем добродетель, и приближаемся к Богу, и сплетаем венец славы на главу разума.

Бояться таковых и вообще разнородных неприглядных помыслов не надо, так как таковые борения приготавливают человека благодатию безбедно проходить большие искушения и больше прославлять Бога, помогающего и дающего терпение подвижающемуся.

Аще имеешь отца, старца, руководителя, от него ничего не таи: все тайны твоего сердца поведай ему; если он не имеет сана или невысокого звания, ты тем не смущайся, лишь бы он имел разум духовный истинно. Разум есть плод всех борений и венец за победу, как во время делания ума плотского мудрования, так и в делании ума мудрости истинно-целомудро-духовной, бывающей до разума.

Духовника избери по указанию твоего старца, и спроси твоего старца, как и что ты должен исповедовать пред духовником; и что он, старец, скажет тебе, то и делай, не преступая ни одного слова

его; он знает лучше тебя, что тебе полезно, лишь ты ничего не таи от старца твоего, а еще лучше, когда он сам в сани духовника.

Если не имеешь отца, руководящего тебя в делании молитвы, то в таком случае о твоём делании молитвы не говори никому, включительно и на исповеди; а лишь, повергаясь Господеви твоему, поведая Ему вся тайная и всю печаль твою, в молитве пред Ним излагай с твердою верою, что Он слышит и смотрит на тебя, и после твоего к Нему в скорбях припадания устраивает тебе полезно; ты же молись и молись, внимая молитве, а не ропщи на посылаемые тебе, к твоей пользе, искушения.

Святые все именуются подвижниками, так как они боролись, терпели и побеждали благодатию искушения, каковых у святых было несравненно больше, нежели у тебя.

Духовника, не имея старца, избери лучше из монашества, но это при возможности; и если он ничего не знает о молитве Иисусовой, а знающий действительность - редкость, то ему лучше и не говори о ней, лишь исповедуй грехи твои, тяготящие совесть твою; иначе он, не зная делания молитвы Иисусовой, своими советами вместо пользы вредит тебе, - опытно знающих делание молитвы Иисусовой встретить в наши дни трудно.

Аще же будет нужда исповедоваться у священника всякого, неотложно православного, ты ему исповедуй грехи тоже, а о делании молитвы не говори ни слова, - он сам ничего не знает о своём священном делании; благодать чрез него простит грехи твои, с успокоением совести; но знай: когда будешь исповедоваться у всякого священника, и будешь исповедовать борения страсти блудной, в таком случае духовники, не зная жизни аскетической с борьбой со страстями, нередко советуют неразумно, предлагая оставить делание борьбы, идти в мир и жизнь проводить брачную, руководствуясь словами апостола: *Лучше бо есть жениться, нежели разжизатися* [25], - не понимая того, что апостол это говорит тем, которые живут одиноко, но борьбу вести не хотят, а распалются.

Избравшим жизнь борьбы со страстями, с их позывами, совет оставить борьбу от духовника всякого отвергни, и такового не разумеющего духовника вторично не посещай, - сей сам болен больше всякого другого болезнью душевной; он страстям покорствуется, а потому-то и не знает, что нужно с ними бороться всю жизнь, как с помыслами, так и с самыми требованиями желаний, распалющих похотную часть души.

Таковых, не разумеющих духовников, имел слышать, посему и писал, предупреждая беду.

Монахиням приходится исповедоваться у своего батюшки, и в случае он окажется таковым, советующим идти в мир жить семейно, нужно немедленно открыть игуменью, от которой ничего не должно быть сокрытым, а тем больше неразумный совет духовника, хотя бы и на исповеди; ибо монахиня соединена своею душою игуменьи, и ответ за гибель души монахини имеет дать игуменью, если только монахиня была в полном у нее послушании.

Игуменью же такового их монастырского батюшку-духовника из монастыря должна уволить, доложив архиерею, так как он изгоняет в сестрах монастырских дело подвига со страстями.

Есть и еще один путь жизни покаяния, похваляемый святыми отцами, путь ими названный средний, бывающий между уединением и монастырским общежительным житием.

Сие жительство бывает в двух или трех единомышленных. Сии два или три должны иметь одни мысли, одни желания в прохождении жизни покаяния и в делании молитвы. Таковых благоразумных, простых, единомышленных здесь времени обрести трудно, аще же таковые и обряжутся, воли своей хотения отсекают один пред другим, а недоумения, и сомнения, и искушения, и где и как нужно поступать, устраивают советом общего рассуждения, всегда свои рассуждения подтверждая указаниями святых отцов, и не иначе, а токмо своими руководителями имеют Бога и святых отцов, шествуя в предняя.

Самый безопасный путь жизни покаяния и молитвы есть путь жительства со старцем, лишь будь послушен и исполняй сказанное, и он всякую опасность предупредит указанием, как нужно поступать. Лишь бы старец был разумеющим жизнь истинно духовную, незаблудно имел бы веру, известную о своем спасении.

Не меньше всего другого, из важного в делании молитвы Иисусовой умной, важным является место стояния ума вниманием, дабы ум, стоя вниманием в известном месте, творил молитву, внимая ей. На сие святые отцы - делатели сего священного делания, и трезвенники, и опыт свидетельствуют так, указывая: молитва, творимая умом, творится мыслию, мысль же у всякого человека творится там, где орган слова, то есть в его гортани, - вот здесь-то, в гортани, следует стоять молитвы умной делателю во все время делания молитвы, а отнюдь не в другом месте.

Не следует внимать в голове, в чреве, в желудке, ни в похотной части, что зело бедственно, но, делая молитву умную, всяко держи ум твой вниманием на месте органа слова - в гортани, здесь и стой, не уклоняясь никуда.

Переходы в сердце творить не напрягайся, сие возможно лишь в делании молитвы умно-сердечной, то есть когда сердце молится с умом, о сем там будет указано, как внимать и где стоять умом, здесь же запомни: с места органа слова вниманием никуда не уклоняйся, и это во все время молитвы, именуемой умной.

Действо страстей во время делания молитвы умной бывает великое и увеличивается, так как они бывают волнуемы сатаною, он их имеет в своих руках как оружие в борьбе с человеком; ум же, по причине большего внимания молитве, приемлет тонкость. Ум уразумевает в сердце сатаною восстанавливаемое страстей волнение больше первого; видит таковой нападения разбойников-душегубителей, скорбит, и аще молитва оставит его, - он живым будет взят в преисподняя ада; усиленно емлется молитвы, внимает ей и укрывается умом в молитве от супостатных [26], и так Господом в молитве избегает всех искушений и восстаний страстей, диаволом содеваемых.

Все важнейшее при делании молитвы умной здесь описано, не унывай, а делай, вниманием стой, как указано; кроме молитвы ничего не принимай, ею стой пред Богом и о внимательнейшем пред Богом стоянии заботься, а другое все, как бы оно чисто и свято ни казалось, от себя отстрани прочь и согласий не давай ни на что, и тогда благодатию в молитве всякой прелести избежишь, имея лишь молитву, делаемую со вниманием. Плод бывает в очищении ума, дабы зреть грехи свои в сердце своем, и сие сердце свое молитвенным покаянием сокращать с восстановлением добродетелей.

К ангелам приближаться и к святым Божиим можно лишь по мере очищения сердца, не иначе. Сердце не очищено от страстей, и умом не освобожден от помрачения, а посему-то ни то, ни другое бывает не способно к устройению небожителей святых.

В случае придется встретить и еще что из неуказанного здесь, не смущайся, а как говорилось: бывай с молитвой, и молитве внимай, и ею отгоняй всякую злобу.

Молитвой дорожи, а другого ничего не принимай; другое же, молитвою руководствуемое и молитвою являемое, в свое время явится. Вся твоя главная и всякая забота - читать внимательно молитву, а другое не принимать.

В деле молитвы монашество или не монашество важности не имеет, то есть быть монахом, или послушником, или просто по-мирски одетым, - это безразлично, лишь бы окружающие и обстановка не препятствовали тебе делать дело молитвы - дело делания внутреннего монашества.

Молитва умно-сердечная деятельная

Умно-сердечною деятельною сия молитва потому именуется, что с умом молится и сердце, то есть весь внутренний человек, а деятельною потому называется, что человека свободная воля в произволениях и делах еще остается действующею, еще человек не пришел во всецелое воли Божией исполнение, а волю Божию исполняет частично, а вторая часть исполнения принадлежит ему лично - он являет свою деятельность.

Подобно, как при навыковении молитве словесной, прислушивается и соглашается с молитвенным деланием ум, и сам постепенно начинает от него рождаемое мысленное слово погружать в молитву, и стяжевает в молитве навык, так и делаемой молитве умной, укоренившейся в уме и пришедшей в умный мысленный навык, согревается сердце; то есть уму, всегда делающему умную молитву и всю свою жизнь к молитвенному деланию направившему, начинают и внутренние чувства останавливаться на молитве, и в молитву погружаться, соучаствуя с умом и меньше отвлекая ум от делания молитвы, пленяясь именем Божиим.

Сатана с диаволы и страстями, обитая в страстном сердце - ветхом, еще своевольном человеке, утверждается на самомнительной, горделивой самости человека, устроив на самом основании себе храмину великую из страстей в страстном сердце. Уму, делающему молитву умную, сие утверждение, доселе несокрушимое, обдержажшее собою все народы всех времен человеческой эры, делается песчановидным, а самая храмина разрушается, делается бессильною.

Сатана, видящий разрушение своего дома - страстей, равнодушен не бывает; он с каждым мгновением времени измышляет новые и новые способы борьбы с подвизающимся, попускаемый благодатию к назиданию человека искушениями. Сатана видит обессиливание страстей, уже и сам начинает своим отвратительно-омерзительным в мечтаниях видом устрашать, желая делателя молитвы отторгнуть от молитвы вполне, или хотя бы на время, или даже на минуту, а когда увидит и сердце участвующим в делании молитвы, и зная о кратковременности своего в таком сердце пребывании, - злобствует и скрежещет зубами, подобно царю, вынуждено оставляющему свой трон и державу правления.

Сатана хорошо знает о возможности молиться и сердцем, то есть умом и душою в целом, и он зело боится, дабы и сердце не вошло с умом в делание молитвы уже умно-сердечною, так как ему бороться через страсти тогда пребедственно; все порождения, бывающие от страстей из сердца, ум обнаруживает с большей силой и властью, и, соучаствуя сердцу, благодатию поражает их, ибо человек тогда приблизился к большому поражению всего греховного.

Диаволы умом бывают обнаруживаемы наиможайше: ум добирается до выяснения оснований греха и страстей, так выразиться - до корней зла, а сии обнаруживания корней зла диаволу являются не иным чем, как раны в его мерзкую голову.

Закон же на и во узрение в сердце и исходящего из сердца греха - страстей, или корней страстей, таков: умом обнаруженное в сердце и исходящее из сердца бывает исторгаемо и уничтожаемо, а когда в сердце зла не будет, сатана с диаволы и страстями в сердце оставаться не может.

Сатана и страсти в сердце бывают, владея умом, попирая ум и душу с ее благодатными чувствами добра, каковая является обителью Богу.

Доколе в сердце страсти, доколе Бог в сердце, Своем Ему жилище, обитать не может; а как только ум, возненавидев всю злобу, и с участием сердца, восстанет против злобы, обнаруживает ее, благодатию вспомоществуем, тогда диаволы знают, что им обитать в таком сердце остается недолго, и они господство свое над человеком утрачивают; они всяко ухищряются бороться, искушая человека. Но всегда и всегда делаемой умно-сердечною молитвой приемлют раны во главу, уже уязвляемые смертельно, хотя и еще не окончили в сердце своего действия.

Здесь диавол злобствует и еще больше, и брань восставляет еще большую и лютейшую бывшей, но вместо успеха, уже много окрепшим умом, вспомоществуемым Богом, он лишь больше пред умом обнажает и творит явными коренья страстей, так как ум, больше и внимательнее молясь, больше принуждая себя к борьбе, споспешествуя благодатию, входит уже в тончайшие хитрости диавола, чем и обнажает и коренья страстей. Когда знает коренья страстей - видит их, немедленно емлется исторгать их.

Сердце, прилежа с умом молитве, уму покорствуется вспомогательно, то есть оживающие добрые чувства души - добродетели помогают за одно с молитвою обнаруживать уму коренья зла, - страстей здание рушится; сатана, диаволы - в смятении; всегдашнее его оружие - страсти переходят во оружие ума же, то есть, борясь с одною из них, ум, подобно как чрез некоторое посредство, обнаруживает в борющейся страсти хитрость их всех.

Всякая победа ума над сатаною, действующей благодатию в молитве, много и множае [27] обнаруживает уже не другое зло, а самые корни страстей, двигаясь к основному стволу и корню, - и обнаруживается яснейше пребывание сатаны в сердце со всех сторон умом, уже стоящим на пороге чистоты - просвещения, всецелого исполнения воли Божией.

Время делания молитвы, когда благодать дарует уму великое очищение, соответственное усматривать и коренья страстей, и их источник, основной корень, и самого скрывающегося в сердце сатану и диаволы, есть время из всего делания покаяния при деятельности человека самое скорбное, полное тяготы и страданий - уныние действует величаво, нападаючи на душу, тягость страданий и скорбей бывает равна малому адскому мучению, так как zde сбываются слова: *до неба возводяй, и до ада низвергаяй* [28].

Сам сатана, изгоняемый в изгнании страстей из сердца, будучи недоволен, начинает действовать яростнее первого, - в образах, мечтаниями, - чувственно подходя и действуя стороною правою и левою.

В это время делатель умно-сердечной, еще деятельной, молитвы подвергается искушениям сатаны в разнородных зверовидных, и всевозможных змеевидных, и своеобразно страшных страшилищах; и единично, и во множественном, и во всяких образах, в малых и великих, претворившись в них, представляя их, желая делателя молитвы отвлечь от молитвы, и сотворить его - молящегося - имущее боязнь. Молящийся же, прилежа внимательной умно-сердечной молитве, благодатию в молитве все и всякое искушение сокрушает, устрояет их все ни во что, приняв великий опыт брани и распознавания хитростей сатаны и диаволов его.

Сатана, видя неуспех в таковом своем искушении страхованиями, то есть искушать в образах со стороны левой, емлется бороться со стороны правой, что подвизающемуся распознавать труднее, - здесь некоторые, самонадеявшись и оставив молитву со вниманием, терпели крушения или получали большие глубокие раны; а всегда и безбедно миновали все те и те, которые не принимали ничего другого, а в молитве и молитвою находили все свои успехи, и благо, и достоинство, и молитвою всегда беседовали и беседуют Господеву Христу, а не иначе.

Предстоять Господу верою, здесь существу, а не чувственным зрением видимому Богу, или святое, или благодатное, или Матерь Божию видеть, или ангела, или кого из святых, - все явления небесные бывают не иначе, как только чистым сердцем, а грешному человеку святое не является, так как он недостоин - грешен.

Сатана может принимать образ Христов, как изображен Христос на иконах; или икону показать живую быти [29], и шествующую к молящемуся, и как будто готовящуюся благословлять его; или святые какие-либо, или голоса, или пение якобы ангельское, или иная и иная подобная со стороны правой, что человеку, преданному чувственности, распознавать не всегда удобно.

Сатана делает это для того, дабы молящийся, увлеченный мечтаниями, совершил поклонение диаволу, представшему в одном из образов, что некоторые и исполнили, и от сего умом вреждены быша [30] и в подобии малых детей обретошася [31].

Но тот, кто знает, что ему дорого получить прощение грехов, и, зная лишь молитве внимать, а другое и всякое от себя отгонять прочь, и считая себя недостойна, ибо грешен, благодать он имеет в действующей молитве, - таковой лишь внимательною молитвою предстоит Христу, безвидно и невоображенно zde пред ним сущему, а не зрением видимому, и таковые искушения проходят без единой беды, ни в коем случае и никогда не доверяясь своим чувствам. Чувства: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание есть не что иное, как проводники мечтаний, а не истинные.

В случае увидишь Христа или кого другого из небожителей, к тебе обращающегося, никогда, доколе ты грешен, не принимай, не увлекайся и, как внимал молитве, так молитву читай и ей внимай, и искушение пройдет; то же и об иконах - увидишь свет от иконы, или икона движется к тебе, увеличивается и как будто оживает, не доверяй, а знай лишь молитву читать и молитве внимать; ты - грешник, а явления неба бывают в подвижничестве только исключительно чистым и приявшим всыновление Богу благодатию, и таковые искушения будут проходить не во вред, а с великой пользой тебе, дабы ты мог, по примеру Христа, победить всякое искушение помощью Бога и принять власть и силу над диаволы всепобедоносно.

Знай, брат или сестра, одно: молитву читай и молитве внимай, а все и всякое другое не принимай, но вот и победа благодатию будет во весь период покаяния обеспечена, и волю Божию познаешь и исполнишь всецело и спасешься.

Господь молящемуся умно-сердечной молитвой Свою милость проявляет в действии самой молитвы, двигая молитву в предняя, и в очищении ума от помрачений страстно-мрачных, и сердце сокрушает, очищая от страстей и грехов; а в образах ни Своего лица, ни лица Матери Божией, ни лица кого другого из небожителей до полной чистоты, до духовной, истинной, самодвижной, чистой и непарительной молитвы не являет; невозможно человеку грешнику сушу, оставаться в живых, если он увидит лицо Божие или кого из небожителей явно, разве когда устрояет дело общечеловеческое, а оно не закон, ты же спасаешься лишь один, тебе подобная быть не могут.

Так борясь и страдая много от разлуки души с Господом, унывая днем и ночью, брани же никак не оставляя, человек делает молитву, именуемую деятельной, умно-сердечной деятельной; то есть человек хотя бы и творит брань с сатаною и диаволы его, и со страстями, предаваясь в волю Божию, но это предание свое Богу он делает частично, оно не вошло еще в сердце, еще не почувствовано и еще не соделалось одним из сердечных чувств, и это потому, что страсти еще не все изгнаны из сердца, еще один корень остается в сердце, который является утверждением сатаны - самость горделивая.

Человек страдает, борется и всегда молится, внимая молитве; искушений без конца, ум на искушения предъявляет гнев, естественный на зло; и злобствует ум, и приходит в негодование на страсти со всяким желанием не грешить, а посему: ум очень тщательно везде и всюду разыскивает страстное и молитвою умерщвляет его, а благодаря непрестанной внимательности, ум обнаруживает и корень корней зла - гордость, ибо благодать неотходно помогает уму, а сама бывает не зрима умом.

Как только помощью Божией ум уяснит гордость корнем зла, немедля борется с нею, обнаруживает ее со всех сторон, и благодатию вспомоществующей исторгает ее из сердца, усекнув ей голову смертельно; и благодатию избавив, смертью в себе гордости, свое сердце от всех страстей и от последней страсти, корня корней, - гордости.

Уничтожив в постепенной и великой борьбе место жительства сатанино в сердце, - сатана благодатию вон изгоняется из сердца, да ему и самому в сердце обитать невозможно, так как его обитель - страсти с ее основанием, самомнительной гордостью, в человеке отселе не существует; ему обитать и

скрываться нет где, он отовсюду зрим и освещен, не терпя света, ибо диавол есть тьма, злобствуя, измышляя сотворить брань последнюю мечтательно единоборную с молящимся.

Диавол - сатана, сам обнаженный и зримый отовсюду, предстает молящемуся во аде сущу, и ад с ним, в виде страшном своем, и великом, и ужасном, с Иудею-предателем на коленях его.

Молящийся и на сей раз молится, внимая молитве; он видит сатану, пришедшего в пламени ада на единоборство с ним, и не отвлекает ума от молитвы; и сатана видит, что подвизающийся не страшится его, а борется с ним молитвою, а в молитве сладчайшим именем Господа Христа, приходит в испуг, дрожание, колебание, и истаивает, удаляется, исчезает, покинув бороться с молящимся, так как и его личная борьба - единоборство - оказалась ничтожною пред именем Божиим в устах подвижника.

Тако бывает - ум просвещен, сердце, душа очищены от страстей, греха и диавола, начавшей действовать во всем всецело, волей Божией.

Господь последнее искушение - единоборство сатаны с молящимся - попустил и попускает, дабы сатана был подвизающимся постыжен до конца, а подвизающийся оказался бы искусным в последнем искушении от сатаны - отца диаволов, искусным во всех искушениях, бывающих молящемуся в период деятельности человека.

Доселе благодать и молитва действовали отвне, желая проникнуть в сердце, введя в оное ум, а сатана боролся из сердца, последнему было удобнее; а отселе благодать, изгнав диавола и страсти из сердца, сама входит в оное с молитвой и с именем Божиим, и Бог входит обитать в сердце, ибо сердце есть обитель Божия.

Отселе молитва переходит из слов в чувство сердечное, и молится отселе человек Богу сердцем, движимым Духом Святым, умом же предстоя в сердце Богу, - так, а не иначе, сотворив вход в сердце свое.

Сатана, изгнанный вовне и исполнивший последнюю свою борьбу в единоборстве в деятельность человека, сам уже не нападает на человека, а действует уже через других человек, разжигая в них зависть и ненависть, а человеки отселе гнать начинают истинного последователя Христова, делая ему всякие пакости.

Возвратимся: человек, усмотрев в сердце господствующий корень зла - гордость, восстает на нее именем Господа, исторгает ее, умерщвляет ее и изметает вон, то есть очистил сердце от страстей и сатаны.

Прежде всего, таковой делателем воли своей быть не может, так как сердце очищается Господом за исполнение воли Его и за непрестанное о Нем - Боге - памятование молитвою, а по мере исполнения воли Божией и молитвы очищается сердце.

Сердце очищено, следовательно, человек научился исполнять волю Божию, вполне - всецело волю Божию познал, что исполнение воли Божией есть не словесное, а по подобию молитвы в сердце уже сердечное чувство - добродетель - дар от Бога великий и незаменимый, действующая сердцем - Духом Святым.

Среди добродетелей уже истинно-духовных проявляет себя особенно истинное смирение, смиренномудрием именуемое, в сути истинное самопознание, - познание, рожденное неудачами и бессилиями как в перенесении скорбей, так и в борьбе со злом, - человек познал истинно ничтожество своего «я».

Доселе всякий образ смирения есть лишь образность, а не смирение - смиреннообразие - и оно, бываемое, кроме самопознания, судя о его цене и полезности, является ничем.

В период делания молитвы умно-сердечной деятельной ум внимать молитве должен там же, где и во время делания молитвы умной, то есть там, где орган слова, в гортани, где глотается пища, как и опытом познано, и о сем говорит Паисий Величковский; а что касается дальнейших стояний ума вниманием, то как выше пояснялось, следует предварительно очистить сердце по указанному порядку; а когда сердце очистится от страстей, - молитва, благодатию ведомая, сама вводит ум в сердце, а с собою вводит и все добродетели, именуемые истинными. Хотя бы еще в их начале, а не иначе.

Делатель молитвы умную от умно-сердечной деятельной может распознавать лишь по искушениям, а иначе не разобратся.

Умно-сердечная молитва бывает при неотходности внимания с молитвой, здесь же молитва нуждается не столько в множественности произношения ее, сколько в качестве, внимательности ей, дабы было удобнее обнаруживать диавольские полчища и их хитрости.

Ты же, делатель сей священной молитвы Иисусовой, возьми всяко во внимание, стоять вниманием не иначе, а стой где указано выше, а в случае умом будешь вращаться в другом месте твоего существа, внимая молитве, скорбь великую себе сотворишь, и бесполезность большую устроишь себе.

Стояние ума, здесь указанное, устрояет самый кратчайший путь восхода ума в сердце для совместного, самодвижного ума с душою принесения славословия в непрестанном молитвословии всем сердцем, и сотворит Господеви кланяться духом и истиною [32].

О месте стояния вниманием сказанное у святых отцов сходится к сему, лишь они все больше говорили прикровенно и кратко, так как во время их жителства делателей сего священного делания было много, нужда не ощущалась.

Всяко избеги стоять вниманием в голове, во внутренности чрева, почках, что зело бедственно, и вообще вниманием стой, как указано. Сказанное святыми отцами о сердце и о входе в сердце, - то Господь Сам укажет путь, и оно бывает не раньше очищения сердца от страстей, так как имя Господа неразлучно с Самим Господом и с Самим Господом входит в сердце.

Так молитва и ум, внимающий молитве, в сердце вводятся Самим Господом, а не самим человеком изобретательностью; когда человек до чистоты дерзает войти в сердце, зело не успевает, ибо путь в сердце не иначе, разве сказанного.

И бывает Господь уму в сердце Господом, беседуя ему, и возводя его даже и до узрения души своей в сердце своем, возведя оба сии в радость сию великую, облобызавающимся им духовно, и беседующим им с Господом единым словом их, и Господу беседующему им непрестанно.

Ум и душа действуют Духом Святым. Таковой начал истинно благословствовать и непрестанно богословить Бога Великого, разумея таинства и премудрость неба истинно.

Отселе всякий возведенный на сию степень молитвы умно-сердечной самодвижной наставляющим кого-либо может не иметь, ибо Господь в сердце его, и хотя, и действуя, есть, человек же является исполнителем святой воли Его; отселе, то есть познанием себя истинным, по восприятию ведения истины и по восшествии ума в сердце, человек при всем своем желании большим, и любя ближних, говорить о переменах в нем случившихся, и о яже есть от сутей истины, и еже праворазумеваемое в писаниях, зело-зело должен молчать, всяко храня в молчании бываемое в сердце его; но в случае имеет опытного старца или усмотрит кого опытного сего делания, с ним не лишним бывает беседовать с достойным ему предпочтением, и послушать их, духовных, всегда нелишне - хорошо - их слово полно мудрости духовной истинной, а познания их есть познания христианских философов. Они - богословы Божии, истинные, свет миру.

Делателю молитвы, доколе он не пришел еще в чистоту, и почувствует в теле или в груди теплоту, каковая бывает чувствуема - тварная, ей вниманий уделять не надо; или жжения, или некие взыграния

во внутренности, или под кожей, - все это нужно отвергать, не придавая никакого значения; оно, по преимуществу, бывает естественно-нервное, следовательно, безвинное, но в случае таковое принимать за благодатное, - бывает прельщение.

Может быть, почувствуется сладость в гортани, или что от таковых, или почувствуется некое благоухание, то есть от одного из пяти вышеперечисленных чувств - чувственное, - всякому и всему таковому внимания не уделяй - гони прочь. Знай лишь - прилежи молитве и вниманию молитве, в коей все нужное, как описано, содержится, и она приводит во яже: *ухо не слыша, око не виде, яже уготова Бог любящим Его* [33].

Когда очистится сердце Господом, тогда Господь входит в него и бывает в сердце, и живя, и действуя; а известно, что в Господе и благодати, и дары, и все и вся преизобилуют вполне; и Господь, дав Себя человеку, дарует человеку и все то, что принадлежит Ему, - Богу.

Бог в сердце устрояет стяжание добродетелей, усиливая их, - и се велико и дивно спасающемуся, а не иное что, чем бы было можно пленяться.

До чистоты если и бывают воздействия благодати, то исключительно возбуждающей от греховной спячки, затем - наказательной и отступательно-обучительной, - то есть благодати, которые имеют руководствовать ум человека в спасительном и ко спасению, усовершенствовав его в делании молитвы, во внимании, смирении, в преданности в волю Божию, в искусствах борьбы и на стяжание добродетели, в познании своего ничтожества и греховности, а не иначе.

Все, считающие себя достойными даров и благодатей, и ожидающие даров и наград, видений и чудотворений, оказались в сетях врага; а все, шествующие в сознании своих грехов, своего ничтожества и слабости, своего недостойнства искренне, а Бога имеющие лишь, щадящего их недостойных по любви к ним, кающимся, - таковые проходят безбедно до пристани. Божия хотения и волю Божию научившись исполнять, познают, живя ею, как собственною - своей всецело.

Итак: все бываемое с тобою, доброе или худое, искушение или кажущееся благодатным, ты принимать не должен. Все твои надежды ты возложил на Господа, в молитве Своею благодатию действующего, так и прилежи лишь исключительно молитве, так как твои все благодати, и дарования, и чудотворения сокрыты в молитве.

Прилежа вниманием молитве, ты шествуешь с Господом; а оставив молитву и прилепившись к чему-либо другому, хотя бы оно тебе кажется благодатным, ты оставляешь Господа, и, по мере твоего сердцем прилепления ко всякому другому, ты удаляешься от Господа; твое все - в Господе, и всякая минута, проведенная вне памятования Господа, тебе является потерей.

Уста в период делания молитвы умно-сердечной деятельной нужно иметь молчащими строже, нежели имел в делании молитвы умной; в пище нужно иметь воздержание - лишь бы сохранялась жизнь; сон, аще не потребует молитва, имей 6-7 часов, а при изнеможении и 8 часов; никого не оскорбляй, всех прощай; смерть и ада муки, когда можно, вспоминать надлежит нужду в сие время иметь; а в необходимом в жизни - без попечения, то есть не заботиться, нужным иметь заботящегося о тебе, ты же благодари Господа за все и имей во всем полное воздержание.

С унынием сражайся молитвой и рукоделием.

Проходить сии три чина молитвы - словесную, умную и умно-сердечную деятельную удобнее в чине нижнем - послушником, хотя бы можно при молитве умной постригать в мантию, а при умно-сердечной и в схиму, но как сказал - мирнее в послушническом сословии.

Исповедоваться и причащаться можно чаще и реже, смотря по возможности, не скорби - раз в год, или реже, или очень реже, лишь не оставляй внимательную молитву, и Господь произволение твое примет как самую суть причастия.

Матерь Божия не причащалась ни одного раза, тогда не было установлено Таинство Причащения, но, делая умное делание, Она, как видишь, достигла нужной, полной чистоты и соделалась дочерью Богу и Матерью Сына Божия, Сыну Девы.

Ценность причастия зависит не от частоты или редкости, а от благоговейства к святыне и от сознания своего недостойнства.

Уходившие в пустыни не видали лица человеческого, конечно, за исключением редких, не причащались, но они были великими в очах Божиих, *ихже не бе достоин весь мир* [34].

И часто причащающимся: причастился - помни любовь Божию к тебе и храни причастие с достоинством, не бывай подобным Иуде-предателю, в которого с причащением вошел сатана, и он причастился на гибель себе нескончаемую.

Но в случае можно, и исключительно у православного священника, что в наши дни встретить не легко, то можно причащаться во все посты, хотя по разу.

Часто причащаться не советую, так как человек утрачивает благоговейство к Святейшим Телу и Крови Христовым.

Нападения блудной страсти да не ужасают тебя, аще и в немощном теле обретаешься, - сия страсть является не естеством, но присоединяется к естеству, и даже не разумеющими именуется «естеством», а поэтому борение ею не удивительно даже до смерти; аще же извергается чрез члены твои, спящему тебе, скверная мокрота, порассуди, - имел ли ты перед сном согласие к сему, услаждаешься осквернением сим или скорбишь о случившемся. И если найдешь себя виновным в согласии со страстью, и услаждаешься сладострастием скверного, - всяко себя от всего сего удали; а если увидишь себя ненавидяща ее - не печалуй, - Господь это оскорбление тебе от диавола или от естества вменит тебе вместо подвига; ты же, осквернившись во сне, восстав, прочти «Правило от осквернения». Оно помещается в правилниках некоторых и в молитвословах, и положи, зависимо от сил, несколько поклонов, осудив себя, страстна суца всяко, даже и во сне увлекающегося страстью.

Когда же сия печаль случится тебе или часто случается помимо твоего в ней участия, то есть ты, засыпая, был с молитвой, а не в страстном упражнялся умом твоим, тогда, встав, прочитай «Правило от осквернения» и не печалуй; оно случилось и случается от зависти диавольской, возбуждающей страсть, и в течение дня не вспоминай о нем, дабы не осквернить ум, а внимай молитве как обычно.

В случае не имеешь «Правило от осквернения», то прочти сотню-две-три Иисусовых молитв и положи поклончиков несколько, успокойся и продолжай молитвы делание, внимай ей.

О сказанном о снах имей такое знание и делай.

Вообще против всех страстей умом скрывайся во внимательную молитву, и борись, и борись.

Книги читай относящиеся к твоему деланию, а самое лучшее: «Добротолюбие», Иоанна Лествичника, «Невидимая брань», Исаака Сирина, Паисия Величковского или других святых отцов - трезвенников, а особенно том пятый «Добротолюбия»; но не пренебрегай и указаниями в этом маленьком труде, - он есть суть опыта с подтверждением святых отцов современных, и тебе может, при неимении книг, служить достаточным вполне руководством в делании молитвы Иисусовой умной и духовной.

Другие книги и вообще литературу на время отложи и не читай, дабы ты умом мог вращаться лишь в молитве и относящемся к ней.

Жизнь твою установи так, чтобы ты в молитве упражнялся согласно вышеуказанному.

Все сказанное доселе о молитве сказано о молитве, бываемой в пределах деятельности человека, то есть до всецелого исполнения воли Божией. Имена ее: словесная, умная, умно-сердечная деятельная, а в целом - умное делание - христианское мышление.

Во время делания сих от человека требуется: всегдашнее принуждение на стяжание навыка, всегдашнее внимание молитве; удобнее время проводить в уединении, уста сохранять в молчании; при необходимости с другими полезно рассуждать о смерти, аде, мучениях грешников, о черве неумирающем, скрежете зубном и о других страданиях, имеющих постигнуть нераскаянных грешников; а в минуты больших печалей можно вспоминать о рае и о блаженствах праведных, ради каковых ты терпишь скорби на земле сей, исполненной печалей.

Укоризны и всякое поношение перенося терпеливо - Царствия ради Божия и вечно нескончаемой жизни.

Все перенося терпеливо: голод, холод, наготу, ожидания, искушения, болезни, укоризну, всякую печаль и всякую тяготу.

В пище всегда нужно иметь воздержание, а иначе зельная мокрота будет томить. Воздержание имей такое - бывай всегда алчущим и жаждущим правды ради, поступая так, ты, когда выходишь из-за стола, чувствуешь, - еще не досыта накушался и не досыта напился, а мог бы еще несколько кушать и пить; и тогда ты будешь совершать непрестанную алчбу и жажду, т. к. выходя всякий раз из-за стола несколько несатым и до следующего застолья будешь не сыт, а оно так же проводится с недосытостью, так и всегда.

Ко всякому делу нужно приступать добросовестно и держаться середины, то есть вперед не заскакивать и сзади не отставать.

В свободное время книги читать нужно душеполезные, и читать надо тогда, когда ум устанет от внимательного напряжения молитве. Всяко нужно убегать тех мест, где ты не получаешь полезного твоему спасению.

Живущему с отцом духовным или в монастыре - всяко отсекай волю свою, а исполнять святое послушание, каковое выше поста и молитвы.

Подвиги, в которые, согласно молитве, не призвал тебя Господь, не начинать, а нужному, согласно здесь описанного, бываемого на всякой степени молитвы, всяко прилежать, и самой молитве всяко прилежать.

Начав делать молитву Иисусову, человек сим деланием отдается водительству Божию, и Господь Сам таковых водствует, а иначе шествующие деланию покаяния идут и хотят устроить сие собою, а не Господом, что невозможно и даже бесплодно вполне.

В неудачах нужно не отчаиваться, а в волю Божию предаваться и тем в неудачах пожать плод успеваемости.

Воображению нужно дать гробы, в гробе - себя полагаемого, и червями воскипаемому телу твоему, за которым нередко убивается много времени.

Ближним прощать все их оскорбления и осуждения. Осуждать лишь себя, а не других, других дела может судить лишь тот, кто предварительно осудил право дела свои, то есть тот, кто получил право с достоинством судить их.

В молитве не мудрствовать, а читать просто и со вниманием, и с верою дитяти, что Бог близ, слышит слова молитвы твоей.

В неудачах не малодушествовать.

Не допускать мыслей, что я достигну того-то и того-то, тогда-то и тогда-то, - сие дело находится в руках Божиих. Он подает лишь тогда, когда мы исполнением воли Божией бываем достойны того или другого успеха, и имеем способность к восприятию Божьего, а иначе вино новое из ветхих мехов может разлиться.

Бог подает не раньше соответственного молитвенного устройства, а от нас требуется осудить себя всегда; твое дело - всегда себя нудить и всяко отдаваться в волю о нас промышляющую Божию, в терпеливом ожидании, а отнюдь не оставлять молитву!

Пять внешних чувств не распускать, то есть зрение, слух, вкус, осязание и обоняние, всяко их стесняя, дабы они, будучи проводниками зла в сердце и уводители ума от молитвы на внешнее, не господствовали властно, увлекая тебя чрез ими воспринимаемое.

Из сердца бываемые помыслы нужно отгонять, разбивая их о камень имени Божия в молитве, всегда читая ее со вниманием, трезвясь и бодрствуя над чувствами.

Делание молитвы проходи так, чтобы все в твоей келлии не могло отвлекать тебя, а споспешествовало собранию ума. Всего, бываемого и случающегося, описать невозможно, да и не все находятся в одинаковых условиях жизни, но всем необходимо всегда бывать с молитвой.

Падаешь, то есть забудешь молитву, развлечешься помыслами, - вставай, вспомняв о молитве, внимай и читай молитву, и всякий раз, когда забудешь и вспомнишь, снова читай и слушай, чтобы молитва читалась умом.

Всего встречающегося, как сказал, описать невозможно, достаточное же для руководства в сих степенях молитвы описано пространно, и всяко и отовсюду просто, в других местах так не описывается, что бывало величайшей скорбью моего немощения в сем делании молитвы.

У святых отцов об умно-сердечной писано имеется, но они, раскрывая нужное, немедля и сокрывали своими описаниями, лишь наводя мысль на предстоящие вопросы, а делатели обращались с ними к опытному, каковых было в достатке, а опытные разъясняли им, помогали разбираться в недоумениях.

Здесь писано в последовании им, лишь сокрытий не имеется, а говорено к возможности усвоения молящимся, так как знающие сие делание умное, спасающее человека в узрении своей греховности, и немощи, и сокрушения, и очищения сердечного, зело оскудели; а посему нужда, раскрыв, не скрывать, а всяко раскрыв, дать нужный ответ на разрешение недоумений ума, дабы ум с душою, горько скорбя и унывая, не отчаялись.

В сем делании молитвы человек в мыслях и вообще в нраве много встречается с разнородностями, смущается от различных искушений, и бывает малоспособен сказанное кратко и сокровенно уразумевать.

Святые имели умы совершенные, в том, что может сомневать наши умы, никаких особенностей не усматривали, а посему подробностей не писали, и получалось - одно раскрыто, а другое сомневало, а подробности было кому пояснить, делатели имелись.

Время деятельного делания молитвы, время принуждения себя к молитве определить годами или десятками годов невозможно, - оно зависит от усердия человека, от проведения до молитвы образа жизни, от огрубения сердца в страстях и самолюбии, и от других причин: как скорость или медлительность порывания сетей с миром, превращения в человека буя, удаляющегося от общества, как скоро оставить положение, имение, деньги; закон же всем один - придерживаться указанного, делать и делать молитву и ни в коем случае не оставлять ее.

Деланием молитвенным никогда не хвались, и о нем, кроме старца, никому не говори, ибо оно делается в тайнике сердца, оно тебе - не как достойное похвалы или хвалиться, нет, но оно нужно, дабы избавиться благодатию от страстей, и греха, и диавола.

Ты, грешник, в молитве имеешь нужду не на самовозношение, не на разглагольствование о ней, не на похвалу свою, а на благодатию восприятие сердечной чистоты.

Правила большого себе не назначай, а правилом имей «непрестанное правило», то есть «непрестанно молиться»; а обычное правило так: в начале словесной молитвы вечером читай молитвы вечерние, а утром – утренние, читай акафисты, каноны, кафизмы, псалмы и еще, что можешь - можно по главе Евангелия и посланий апостольских, - и прилагай по пятьсот молитв Иисусовых и вечером, и утром; а когда имеются неотложные дела: испросив прощения у Бога, осудив себя, вздохнув из глубины, делай, не смущаясь, неотложность твою, заменяя твое обычное правило, находясь в трудах, молитвой Иисусовой; да и читаемое тобою правило по книге, по мере навыка молитвы Иисусовой, можно уменьшать, а число молитв Иисусовых увеличивать, так как молитва Иисусова, приобретаема навыку, удобно увлекает ум к себе, и ум неохотно оставляет ее.

Время между вечерним и утренним правилом проводи с молитвой Иисусовой.

Кто ты будешь, - обещаний никаких не давай добровольно, так как неисполнение обещаний бывает причиной смущений, а исполнив обещание, не избежишь мысли самопохваляющей или даже горделивой. Хорошо так: не обещаться, а все желаемое исполнить, исполни помощью Бога.

Правил с расположением «обязательно выполняю» не набирай: в жизни всякого человека имеются разнородные встречи, которые исполнение правил не всегда делают возможным, а от сего человек утрачивает цену и раньше исполненному правилу; в этом вопросе следует удобно последовать так: длительность твоего правила избери - час, полтора, два, три и больше, зависимо от возможности, и делай, за исключением действительной невозможности, не отступая, и это - без особых обещаний.

В недоумениях не унывай чрезмерно, молись, и Господь укажет разрешение или чрез голос совести, или в написаниях Богодухновенных святых отцов, или в Божественном Писании; делай же все так, чтобы оно было не против воли Божией, явленной в законе Божиим.

Закон Божий нам даден в руководителя исполнения воли Божией.

Что касается указанного у святых отцов - трезвенников, писавших о молитве Иисусовой и об отыскании умом сердца, о сидении на пядельном стульце, о преклонении головы, о напряжении мышц, сопутствующих вниманию, молитве, - делай, как об этом указано выше; они это писали, направляя на отыскание сердца, где стоять вниманием, творя молитву, дабы молитва удобнее посекала всю злобу, из сердца чрез помыслы являемую и желающую проникнуть в сердце отвне; в сем написании об этом указано просто и кратко, и неоднократно, - делай и не ошибешься, и приемы будут не необходимы, а для тебя доступнее; а об указанном о сердце ты не беспокойся, лишь делай молитву, борясь со страстями, а очистишь сердце, Господь Сам входит в него, вводя с Собой и ум, и молитву, ибо сердце есть обитель Божия, и путь в нее знает лишь один Бог. Он им входит Сам и с Собой вводит достойный ум, дабы обитать с Богом в сердце.

Доколе сердце кипит страстями, или хотя бы еще какой один грех держится в нем, дотоле в нем Господу быть невозможно. Где Господь, там нет греха, а без Господа и уму, и молитве в сердце быть бесполезно.

Господь вовне и молитва с умом вовне. Господь, очистив сердце Себе в обитель, в него входит; за Господом неотступно следует в сердце и молитва, и ум, ибо в молитве имя Божие - Господне и Господь там, и имя Ему Свое - Его соединено с Ним; где нет Господа, там нет и имени Его Святого, - так следует разуметь и о сердце, и о пути в сердце.

Будь, делатель молитвы, в простоте, а не в ухищрениях нахальности. Господь слышит молитву, и ты читай, веруя сему. С помыслами не соглашайся, греховного всего избегай, себя считай всех грешнейшим, и худороднейшим, и не достойна всяко Бога; плачь, скорби, молитве внимай и молись.

О молитве самодвижной

После всего указанного, то есть после дней скорби великой, как об этом говорилось выше, человек приходит во всецелую преданность в волю Божию и бывает сын Богу по благодати, а посему ум с молитвою Богом вводится в сердце на делание молитвы умно-сердечной самодвижной.

Здесь человек, исполнивший всецело волю Божию, волю Божию познает истинно, познает познанием ума уже истинно-духовно-целомудрого. Хотя бы еще и в самом начале, и оно же есть одна из обителей ума, реченных Господом: *В дому Отца Моего обители многи суть* [35].

Ум, войдя в сердце, праздным не стоит, а вместе с сердцем начинает творить молитву, не словом уже и не мыслью, а самым сердечным молитвенным чувством, не прекращающимся, не останавливающимся даже и во время сна, и во всякое время - ибо непрестанно вполне.

И молится человек непрестанно существом своего умно-сердечного естества к Господу в сердце, повергая Ему и повергнув пред Ним себя всяко в воли своей благодарностью, так как в сердце с молитвою вошли и другие все добродетели, а в числе их и благодарность сердечная - чувством сердца.

Отселе человек жизнь начинает проводить истинно-духовно-добродетельную, делая добродетели не на показ, а в сердце и сердцем, войдя в каковое однажды и познавательное право, уже никогда не выходит и не выйдет вовне, разве добровольно пожелает возвращаться во внешних умом своим; а если и касается внешнего по необходимости, где и как нужно, то лишь поверхностно, без участия сердца своего, но сам добровольно он может возвращаться и на внешность.

Ум, совершив Богом восход в сердце - в сердечные чувства духовные, непрестанно беседуя Богу, беседует и с душою своею, приближаясь к ней и ее - свою душу - приближая к себе, сие делая деланием молитвы и других добродетелей, делаемых человеком, проводящим жизнь духовную, истинную, целомудрую.

Добродетели, предводительствуемые Господом и управляемые Им в молитве и чрез молитву, без действий не бывают - возрастают, усиливаются, совершенствуются, приходя из силы в силу [36] в одной и с одной каждой - все; то есть возрастающей одной из добродетелей во всякую меру, возрастают за счет первой возросшей и все другие в ту же меру, ибо добродетели все одного естества, и составляют одну душу, и все объединены во единое едина.

Добродетели все без одной и одна без всех не бывают, сии добродетели бывают в сердце и именуются истинные, а истина одна, нераздельна.

Первой из добродетелей истинных, по входе ума в сердце, проявляет добродетель смирение, как виновная и сердца очищения; сие же истинное смирение есть не что иное, как истинное познание самого себя, смиренномудрствовать человека научающее. Здесь человек право познает свое горделивое и ничтожное «я», из ничего Промыслом Божиим созданное и в ничтожное свое ничто и возвратившееся.

Когда Господь дарует человеку познать самого себя ничтожна ничтожнее ничего суща, уже водствуя его Сам во всем, и человек сие усвоит, что человек делает быстро, тогда с познанием себя, нераздельно, дает и познание Бога, у святых отцов именуемое ведение истины - Бога.

Ведение истины - Бога, в сути являет: *зрети Бога разумительно, духовными истинно очима.*

Бог вместе с добродетелью дает и Себя познать, Себя вкусить, что составляет искомую суть и дарование; и дарование в Нем и награда несравнимо великая, и оно все то, что может пленять и останавливать на себе внимание духовным и истинным, а отнюд в периоде деятельности нам Господь дарования даровать будет - нет.

Где дары, там Сам Податель даров - Бог; кому Бог даровал истинную добродетель, тому дарует и Себя Самого, так как истинная добродетель есть добродетель Божия, посему человек по приятии от Бога ведения истины, что являет искомое, жить начинает по Божии и называется живет по-Божии, тоже - знает истинно-духовную жизнь и живет ею.

По всецелой преданности в волю Божию человек начинает жить истинно-духовно и уже навсегда, а доселе жил мудрованием плотским, хотя бы мог именоваться и слыть духовным в обществе, - это ошибочно.

О молитве умно-сердечной чистой и непарительной

Выше упомянуто, что после всецелой преданности в волю Божию первая степень уже духовно-истинной молитвы называется умно-сердечная самодвижная, о ней, хотя немного, но говорили и вполне достаточно; а за нею, умно-сердечной самодвижной, следует, чистая, то есть молитва умно-сердечная, именуемая чистая, от причины ее действия умом и сердцем, уже очищенными от помрачения и страстей.

Сердце очищено от страстей, молится чисто, уму помыслов из сердца уже не встречается. Молитва чистая, а с чистою неразлучна непарительная, избавленная от помыслов и греховных желаний, - и бывает молитва чистая и непарительная. Делание всего вместе взятого, уже истинно-духовного, составляет жизнь истинно-созерцательную, - созерцательная молитва истинна.

Здесь человек живет духовно-целомудрой созерцательной жизнью и созерцательно молится в истине Духом Святым. Добродетели действуют истинно целомудренные души и ума, каковые Господом бывают возвращаемы в большие и возрастнейшие.

Человек от Господа столько облагодетельствуется, сколько его ум имеет силы воспринимать познавательно от яже Духа Божия, а душа естественно духовно прочувствовать яже Божие.

Бог здесь Себя всего отдает человеку, и вопиет здесь человек ко Господу, истаивая от Господней благоволительной к нему любви: *«Утишь волны благодати Твоей, Отче Святой, ибо я таю как воск».*

Созерцательная молитва есть в сути предзрительная, бываемая пред зрением ума о Боге и о Божием, и пред разумением истиннейше тайн Божиих великих, и всего дела домостроительства Божия о человеке, начен от совета Божия о сотворении человека, и включительно доселе, и Суд Страшный, и пришествие второе Христово, и вся яже пред вся сих, и вся яже по сих.

Истинно-духовная жизнь начинается восприятием человеком усыновления Богу по благодати, а поскольку сын, постольку на духовное и сонаследник Христу Богу, и дарует ему, сыну по благодати, Небесный Отец ум Христов, дабы усыновившийся жил им во славу Бога.

Первое о духовном целомудрии

Духовное целомудрие, в существе, является: разрешением великого гадания в деле Божественного домостроительства, совершенного Христом Спасителем на земле человекам; и истинное разрешение догмата Богочеловечества Христова, - разумительно-славимое не только словом, а и естеством сердечным и умнознанием человеком, имущим ум Христов по реченному святым апостолом: *ум Христов имамы* [37]; и истинное познание о третьем Лице Святой Троицы - Духе Святом.

Восшедший на сие славит Христа Богочеловека умом своим, славит Духа Святого души своей духовным существом, истинно двигаясь к свету разумному на разгадывание догмата о Святой Троице, совершая шествие в Царство славы, во мрак Богословия и в высочайшие, предстоящие таинства неба.

Второе о духовном целомудрии

Начало духовного целомудрия: человек жительствоует, упражняясь в добродетели ангельской, имея все добродетели под осеянием словес Господа: *там ни женятся и ни посягают, а все пребывают как Ангелы Божию* [38].

Средина целомудрия есть жительство в исполнении словес Апостола: *что добро, или что красно, но ежи жити братии вкупе* [39], то есть жить любовью, именуемую естественною, всех обнимающею, бывая в строжайшем целомудрии.

Конец же духовного целомудрия есть верх всех добродетелей духовных, но еще не соединенных. Все добродетели, достигшие своего верха до соединения с господственными, в сие время имеют мужество и покорность, ими и управляются.

В конце целомудрия духовного ум приближается к душе своей, а душа к уму своему, познаваясь и предстая взаимно, с разрешением великого и благороднейшего существа - человека.

По сих ум обретает в сердце душу свою, а душа в сердце своем обретает ум свой, обнимая и радуясь радостью сею великою, войдя в радость сию Господнюю Господом своим на нескончаемое жительство. У святых отцов о сем, объясняясь, говорилось так: когда ум войдет в сердце свое и встретится в сердце своем с душою своею, предстая пред Господа, тогда ум и душа радуются радостью по подобию мужа, любящего жену свою и детей, возвратившегося к ним после долгой разлуки, радуются радостью великою [40].

Ум и душа, приявшие от Господа соединение, от Бога другого не желают ничего, бывая Богу благодарны выше всякаго благодарения и довольны больше всякаго довольствия.

Сие последнее, то есть соединение ума с душою Господом и в Господе, являет конец духовной, истинной - целомудрия добродетели и начало добродетели духовно-истинного девства, на жизнь добродетелью соединительной, как говорилось и выше.

Ведения истины и истинные объединяются в духовные умы; умы объединяются в один великий девственно, по подобию Небесного Отца, разум; добродетели объединяются во едину любовь ума с душою и их единым естественным словом воедино и по подобию Святой Троицы, коей человек есть образ и подобие преискреннее.

Пришедший в жизнь истинно-созерцательную, познавателью разрешает не только догмат о Богочеловечестве Христа, нет, но и сии поименуемые: зачатие от Духа Святаго Девы Богородицы, чревоношение, рождение Девы Марии, введение во храм и во храме - во Святая Святым, Благовещение

Божией Матери, Рождество Христово, Обрезание, Сретение Господне, и вообще на знание не только тонкого естества - как и что, а и грубого такожде, являя в нем тонкость, ибо Господня земля, и исполнение ея [41] Господни...

Все поименованные празднества есть не иное что, как только догматы великие, равные догмату Богочеловечества Христова, а поэтому-то на разрешение их потребна духовная сила ума та же, что и на уразумение догмата Богочеловечества Христова; и их правое знание бывает не иначе, как только по приятию человеком ведения истинного - Божия.

Всякий, желающий оспаривать сию великую тайны о Христе суть, пусть знает, что он ошибается, так как празднества все относятся ко Христу и ко Христову, а Христос Бог, принадлежащее Богу все необыкновенно возвышенно, и воспринимается умом лишь истинно-духовным.

Оспаривающий должен и еще знать, что он ошибается глубоко и оскорбляет Бога и Божие истинное, принадлежащее лишь Духу и превыше тленного естества и внешних чувств сущее.

Оспаривающий будет оспаривать, и сам, не разумея о сем, духовное, истинное излагая мечтательно, вообразив Божие, как чувственное на земле.

О созерцательности

Созерцательная жизнь есть жизнь предзрительная, жизнь духовная, истинная, бывающая до разума сущих - это вообще ее наименование. А сама в себе она своевременно бывает и созерцанием, и зрением, то есть делаемой жизни истинно-созерцательной впереди стоящие совершенства созерцаются, а то, что уже умом воспринято, зрится, ум уже воспринятое зрит и живет им.

Таковой порядок истинно-созерцательной жизни молитвы бывает до восприятия разума сущих - без созерцаемого зрения.

В истинно-созерцательной жизни ум восходит из совершенства в совершенство, увеличивая - усиливая добродетели, а увеличивает их от восприятия ума Христова, коим живет, и, просвещаясь от доброт Божиих, питаюсь сею духовного Духа Божия пищею с трапезы Небесного Отца, всяко благоволящему к созерцателю как к сыну Своему по благодати, так как он превзошел плоть, приял свободу духа от самости и воли своей, прием первое всыновление возраста Христова, живет умом Христа, исполняя Его хотения в себе самом и высоту сей, соделавшись в сонаследника Христу.

Начало жизни истинно-созерцательной бывает одновременно и совместимо с деланием духовного целомудрия. Ум живет в чистоте и вращается по подобию Ангелов, не имея различия в полах.

Он всех обезвинивает, всем от себя дает свободу жизни, от всех удаляется, свободы ничьей не стесняет, творя любовь к ближним, подобясь в любви Богу.

Бог, одарив человека свободю, ее не стесняет, творя сим крайнюю любовь к человекам, то же делает и человек-созерцатель, не стесняющий свободы людей.

Здесь, в созерцательности, все добродетели принимают свой возраст.

В созерцательности человек умом вселяется в обители неба, проходя степени истинного ведения, а оно уму является обителями Небесного Отца. Ум, переходя из истинного ведения нижестоящего в

предстоящее, переходит из одного совершенства в другое - высшее, и из одной обители - в большую светлую, другую, духовную с содержанием знания.

Делание ума во время молитвы созерцательной и целомудрия духовного бывает так: рассуждение, отделяющее истинное от мечтательного, то есть ум упражняется в рассуждении о силах, а оно дает возможность восходить на преднее умовое и души.

От меры истинного ведения зависит жизнь и вращение ума и души или в великом, или в величайшем постижении тайн Отца Небесного.

В созерцательности человек проходит совершенства, именующиеся «не совершенными», так как они впереди себя имеют совершенства большие их.

В созерцательности истинной человек бывает Крестоносец, по подобию Христа Крестоносца, во всем творяще волю Отца Своего Небесного; Крестоносцем же без скорби быть невозможно, как и Христос, Сын Божий по естеству, всю земную жизнь был в скорбях.

Скорби в созерцательности обнимают уже истинно-духовного человека, только скорби сии не подобны бывшим скорбям в деятельности человека. Сии скорби духовные.

Всякий восход на высшее сопряжен с трудностями, со скорбями; тоже и созерцатель, восходящий в высшие степени духовных совершенств, хотя бы он уже обитает в свободе духа от страстей. Отец Небесный, любя сего человека нового, сына по благодати Богу и сонаследника Христова, по любви Своей к нему, возводя его на высшие совершенства, открывает таинства Свои о Самом Себе, непостижимом, и о человеке великие.

Человек - сын Богу по благодати - свободно, но жаждая Божьего, шествует, любя Бога, к Богу, согласно, как сказали выше, бывает сын по благодати, но сие делает не без скорби, да еще столь великой, каковую можно перенести только сыну, работающему Небесному Отцу, лишь по любви к Нему.

Что в делании плотского ума было и не исполнимо, и не доступно, то здесь человеком допускается на рассуждение и на разбирательства с великою для него пользою.

Бывшее гонимо, здесь зело пользует и необходимо. Сие душу приближает уму своему, дабы познать его и ей быть познанной от него в тайне сердца нового человека и сонаследника Христу, на совокупно-совместное жительство с Господом, и навсегда.

Сон во время конца целомудрия от человека бежит, гортань забывает о пище, ум от рассуждений и уразумений таинств приходит в изнеможение, конечно свойственное сильным силами духовными; любовь к Богу и душе, как своему духовному ближнему, в уме приходит в меру неудержимую.

Ум горит, пламенея любовью, приходит в познание души своей в сердце своем, и емлется на сие, вводимый Богом, к узрению души своей в сердце своем и сердцем своим, - сие бывает в конце целомудро-истинно-духовной жизни и пред стяжанием всех добродетелей верха, стяжеваемым умом духовно-целомудрым.

Ум в сердце своем обретает душу свою, и душа обретает ум свой в сердце и сердцем своим, и обнимаются свои ум с душою объятиями духа истинна, слава и благодаря Бога за сие им великое сокровище, за сие им великое разрешение таинства.

Человек отселе начинает истиннейше рассматривать своего внутреннего человека, человека духовного, нового в таинстве и силе, рассматривать истинно, своим собственным словом, в составе: ум, душа и их слово, так как сии три есть образ и подобие троичности лиц Святой Троицы, о сем так свидетельствуют святые отцы (славянское «Добротолубие») и опыт, утвержденный указаниями святых отцов-трезвенников.

Сие таинство ума и души есть таинство великое, оно есть естественное, движное желание всего духовного естества - существа человека.

Как только ум начнет беседовать своим единым с душою словом, беседовать с душой своей в сердце своем, но еще не познал ее - не узрел духовно душу свою: что она есть - оставляет естественное требование в пище, сне и другом подобном и прилепляется к таинству всецело, как к деланию естественному своему внутреннему человеку, покидая внешнее.

Правое понимание всего здесь описанного о духовном истинном уме, начав от всецелой преданности в волю Божию и до конца целомудрия, как все вместе взятое, так и каждый шаг, каждый отдельный случай, всякое движение ума Богом в предняя, правильно может быть познаваемо лишь тогда, когда человек сам приходит в истинно-духовное целомудрие ума и души своей.

Когда же хочет человек лишь от чтения воспроизвести, что есть суть от яже Духа Божия и духовное, тогда всякое его познание бывает ложно, так как уму, еще плотски мудрствующему, истинно-духовное познать невозможно, духовное истинно является тайна.

Сия обитель духа великая и радость многая обнимает человека, силою Господа спасшего душу свою, предстоящую непрестанно в сердце своем Господеви, своему Жениху Небесному - Христу, собеседующего с нею непрестанно и дарующего ей созерцать таинства Свои великие и жить ими, - таинства, совершаемые и постигаемые умом и душою, совершенными в целомудрии духа.

Сии ум и душа будут жить, войдя духовно в апокалипсический Иерусалим, о коем сказано тайнозрителем: *Иерусалим, сходящий от Бога с неба* [42].

Введенные, обитающие в оном Иерусалиме, будут непрестанно петь славу Богу и Устроителю блаженной жизни их. Таковые и ближних своих любят истинной любовью, и молятся они истинно-созерцательно Богу, беседуя Ему о таинствах, и любят Бога и сами себя взаимно любовью единою, велико проходя и в еще большую любовь, непрестанную и внекончаемую; здесь конец ума духовно-истинно-целомудрого и переход в делание лишь достойнейших ума в разум сущих, а мудрости истинной - в истинную премудрость, добродетелей - в соединение, созерцание - в зрение, в сути - в девство духовно-истинное, разумное.

О молитве зрительной и духовном девстве

Описанное выше об уме духовно-целомудром, прошедшем многие совершенства, тоже обители Отца Небесного, но не все в сих обителях - совершенствах и жить оставляются. Многие духовно-целомудрого ума останутся жить в сих обителях целомудрия и навсегда, но немало, конечно, судя по высоте предстоящего, а вообще же, некоторые достойнейшие имеют жить добродетелью совершенствами в обителях духовного девства, так как нужно, чтобы чувства человеческого существа, хотя некоторыми, но действовались все и вполне. Сие дело есть в сути соединение добродетелей во едину, еже есть любовь.

Соединение ума, души и их слова во едино существо, естество и нераздельство, по подобию Святой Троицы, и соединение души с Господом Женихом ее, возлюбленным от нее и любимой Им, устрояющим ей соединение с Ним, то есть от зде душа бывает ведома Господом в соединение с Ним.

Святые отцы о сем говорят так: *Господь в душе, и душа в Господе: душа - храм Господу и град велик и всяко светел; а Господь - Град велик душе, Им возлюбленной от Него.*

Созерцательная жизнь или созерцательная молитва, войдя в духовное девство, делателя своего устраивает в ближайшую близость к Богу.

Близость сию устраивает Сам Господь Вседержитель, питая такового небесного человека, живущего духовно небесными таинствами, а телом еще скитающегося на земле и среди земно-живущих, во яже суть Его Божественная великая и величайшая, возводя ум его в высшая созерцательно зрительства, водствуя в зрительную молитву, еже есть зрение всяко таинств Божиих и сокровеннейших, и до разума сущих - Божия - в совершенства Небесного Отца.

Разум Божий силен разуметь, рассуждая истинно: о Святой Троице; или о любви - Боге; или иметь крайнейший край всех добродетелей - разума сущих - Божий, что является конечным просвещением ума в разуме и души в девстве духа; или стяжевает все возможные к восприятию совершенства и бывает отселе всяко, и всегда, и неизменно всесовершен и непобедим - всепобедоносен по примеру Христа Бога Всепобедоносного и Всесовершенного, достигнув восшествия в апокалипсический град Иерусалим, девственно-духовный, реченный: *Нисходящ с неба от Бога* [43].

Душа, ум и слово их собственное ими бывают рассматриваемы, открывающему сие Господом; они видят: естество ума - естество души, и естество души - естество ума, слово же их им обоим во единице естественное, от их естества рождаемое; и видят, что они, три, разделения не имеют и всяко их дело они делают все три - едино сообща, а не порознь.

Ум бывает естество и собственность души, душа - естество и собственность ума. Слово умовое есть собственность и души в ее словесной части.

Ум, рождая слово, одновременно является естеством души и собственностью души; и одновременно сохраняют каждое свое название: ум остается умом, душа остается душою, слово их остается словом неизменно, хотя бы естество - существо ума, души и слова одно и нераздельно всяко; сии три: ум, душа и слово не разделены всяко всячески по подобию лиц Святой Троицы, и являет человек подобие Богу Триединому, придя в преподобие искреннейшее и оставаясь собою, все составляют едино - три, три - единое. И двигают и действуют сии три - единица, всегда совместно-едино, оставаясь три, а едино.

Никогда же бывают: ниже ум без души, или без слова, ниже слово без ума и души, - все сии три, единое существо и единое едино, пришедшее в преподобие Божие - любовь и благодать - свое им сущее от Творца естество.

Разумение истинное о человеческом духа существе Господь человеку дарует по мере разумения даруемого о Боге, то есть Богом о Самом Себе, так как естество ума, души и их слова - многодуховнейшие, тончайшие и чистейшие всяко, здесь же оно познается умом в существе в целом и точно.

Душа соединяется Господеви своему по мере способности ее восприятий и житии, свойственном Господу; оно бывает зависимо от чистоты, то есть от просвещения ума духовно-девственным.

На сию девственно-духовную в истине чистоту Господь возводит редких, ибо чистота девственная, по восприятию разума сущих, делается всеобъемлющею и оттоле человек славит Бога сердцем своим в сбытии на душе его слов, Церковью воспеваемых велегласно: *светлеется Троическим единством священнотайне* [44].

Душа, очистившаяся вполне, сколько возможно, и в девственной чистоте духа, согласно слову святого Макария Великого: *Сам Дух бывает, Господом превелико восприимлетя и любима есть*.

И радуется Господь радостию Духа о душе таковой - невесте Своей, подобно как жених земной о невесте своей, радостию Духа, а не по-земному.

Душа отселе живет и двизается во еже Господнее.

Таковых святые отцы уподобляют солнцу, так как они живут, имея разум Божий, в нем - разуме сущих - непрестанно ходят. Он им: и кров, и пища, и одежда.

Они свет прияли от Света присносущего; сей же великий, по причине его великости и лишь редчайшим доступности, именуется мраком, они же живут в оном: *Где Я, там и слуга Мой будет* [45], - рече Господь, а тем больше приявшие преподобие Богу.

Выше говорилось: «После восприятия верха целомудрия достойнейшие возводятся в чистоту духовного девства».

Человек, созерцательно молясь - созерцая, переходит к зрению, так как девственная чистота является существом зрительства - зрительная молитва Господом, и к Господу, и все Господь, и в Господе. Господь Сам бывает и действуя, и исполняя, совершая в совершеннейшие совершенства.

Начало девственной духовной чистоты есть начало зрительной молитвы - зрения, и по мере восприятия умом Господа и Господнего.

Человек воспринятое уже имеет своим и им живет, и зрит яже Господнее, зряще яже Господнее сие, и молится.

Зрительство есть истиннейшее разумение, от яже Божиих величайших и сокровеннейших таинств, или Богословствование истиннейшее, вошедши во мрак Богословия, и всяко и всегда непрестанно, непрекращающееся в нескончаемое.

Первый шаг зрительства, или девственной духовной чистоты, есть восприятие всыновления в полной мере возраста исполнения Христова, оно именуется полная свобода чад правды [46].

Здесь человек принимает преискреннее сонаследие Христу: за всецелое исполнение воли Божией в делании ума мудрований плоти; и за полное исполнение воли Отца Небесного и любовь к Нему во время делания ума духовно-истинно-целомудрого, хотя бы велико, любя Бога и Отца, обнимался зельною скорбью.

Прияв сие великое и своему духовному существу свойственное и свойственнейшее, даваемое лишь Отцом Небесным, человек духовен приемлет от Бога и извещения о всыновлении; сей сын, и сонаследник Христов вступает в духовном мире именуемое известовательное.

От zde человек рассматривает разумнее, рассудительно то, что принадлежит Богу; все же есть человек - великая тайна, и яже бываемая от человека.

[1] начен = начавши

[2] Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он не пошел. Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу (Откр. 14, 4).

[3] Мк. 7, 21 – 22.

[4] Ср.: Быт. 3, 15.

[5] Мф. 15, 19.

[6] 1 Кор. 2, 9.

[7] Ср.: Лк. 5, 37 - 39.

[8] Сир. 2, 1.

[9] зело редце - очень редки

[10] Ср.: Ин 14, 23.

[11] сюду и сюду - по ту и по другую сторону, по обе стороны.

семо и семо – сюда и сюда, во все стороны.

[12] Ср.: Мф. 19, 26.

[13] Ср.: Ин. 3, 3.

[14] См.: Рим. 6, 23; 7, 13.

[15] Ср.: Кто непрестанно опирается на жезл молитвы, тот не преткнется; а если бы это и случилось, то не падет совершенно. Ибо молитва есть благочестивое понуждение Бога (См.: Лк. 18, 5). Лествица (28 : 60).

[16] Ин. 16, 33.

[17] Деян. 14, 22.

[18] Ин. 16, 33.

[19] Никон (Рождественский) архиепископ. Нужды современного монашества. Даниловский благовестник, 1992, № 1(2). С. 47 – 59.

[20] Складница = стеклянный или хрустальный сосуд

[21] Ср.: Лк. 1, 50.

[22] Мф. 26, 39.

[23] Мф. 15, 19.

[24] Емлись = берись

[25] См.: Лучше вступить в брак, нежели разжигаться (1 Кор. 7, 9).

[26] Супостат = противоположный, враждебный; противник, неприятель.

[27] множае = больше

[28] Ср.: Лк. 10, 15.

[29] оживающую

[30] повредились

[31] находятся

[32] Ин. 4, 24.

[33] 1 Кор. 2, 9.

[34] Евр. 11, 38.

[35] Ин. 14, 2.

[36] Пс. 83, 8.

[37] 1 Кор. 2, 16.

[38] Мф. 22, 30.

[39] Пс. 132, 1.

[40] Мф. 28, 8.

[41] Пс. 23, 1.

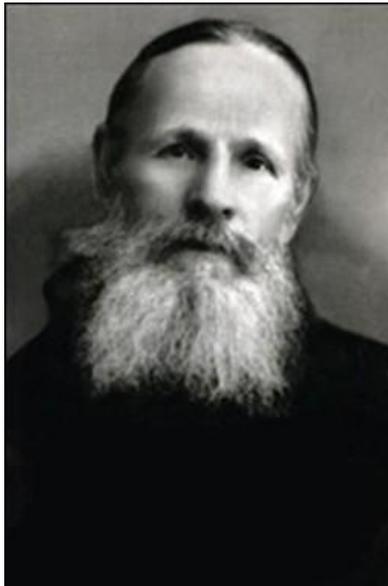
[42] Откр 21, 2.

[43] Откр. 3, 12.

[44] В неделю утра. Степенна, гл. 4. Антифон 1.

[45] Ин. 12, 26.

[46] Ср.: 2 Кор. 3, 17; Рим. 8, 10.

Источники:

a-mihaylovskiy.narod.ru/index/0-8

eshatos-lib.ru/arhiepiskop-antony-o-molitve-iisusovoj

logoslovo.ru/forum/all/topic_6308

